

# НАРКОКОНТРОЛЬ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия Рег. ПИ № ФС77-33102 от 11 сентября 2008 г. Выходит с 2005 года. Издается 2 раза в полугодие.

2(35)  
2014

Издательская группа «ЮРИСТ»



UNODC

Управление Организации Объединенных Наций  
по наркотикам и преступности

Журнал издается при информационной поддержке  
Представительства УНП ООН в России

## Редакционная коллегия:

Волеводз А.Г., д.ю.н., проф. (г. Москва)  
Головенков П.В., д. права, ассессор  
(г. Потсдам)  
Дьяков С.В., д.ю.н., проф. (г. Москва)  
Зажицкий В.И., д.ю.н., проф. (г. Москва)  
Коробеев А.И., д.ю.н., проф. (г. Владивосток)  
Мащкевич И.М., д.ю.н., проф. (г. Москва)  
Романова Л.И., д.ю.н., проф. (г. Владивосток)  
Росинский Б.В., д.ю.н., проф. (г. Москва)  
Рохлин В.И., д.ю.н., проф. (г. С.-Петербург)  
Тихомиров Ю.А., д.ю.н., проф. (г. Москва)  
Хельман У., д. права, проф. (г. Потсдам)  
Шахматов А.В., д.ю.н., проф. (г. С.-Петербург)

## Главный редактор

Федоров А.В., к.ю.н., проф. (г. Москва)

## Заместитель главного редактора

Аленкин С.В., к.ю.н., доцент (г. Москва)

## Помощник главного редактора

Александрова О.А., к.ю.н. (г. Москва)

## Главный редактор ИГ «Юрист»

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

## Заместители главного редактора ИГ «Юрист»

Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф.,  
Трунцевский Ю.В., Федосеенков Н.Н.

## Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Редакция: Бочарова М.А., Макарова Н.М.

## Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 — многоканальный

E-mail: [podpiska@lawinfo.ru](mailto:podpiska@lawinfo.ru)

## Подписной индекс по каталогу

«Роспечать» — 46776.

Подписаться можно также

на сайте [www.gazety.ru](http://www.gazety.ru)

## Адрес редакции:

115035, г. Москва, Космодамианская наб.,

д. 26/55, стр. 7

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: [avtor@lawinfo.ru](mailto:avtor@lawinfo.ru)

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону. Цена свободная.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ.печ.л. — 5,0. Усл.печ.л. — 5,0.

Общий тираж 2000 экз.

ISSN 2072-4160

Номер подписан в печать 02.04.2014 г.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа»

(4842) 70-03-37

## В номере: ▽

### Наркоситуация и наркополитика

**Федоров А.В.** Отдельные тенденции развития российской уголовно-правовой антинаркотической политики, обусловленные влиянием международных договоров, участницей которых является Российская Федерация, и ее членством в международных организациях..... 3

### Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

**Мурашов Н.Ф.** Спорные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 229, 229<sup>1</sup> и 230 УК РФ, совершаемых с применением насилия: теоретико-правовое исследование ..... 15

**Комиссаров В.С., Пожидаев И.Е.** Уголовно-правовое понятие культивирования наркосодержащих растений..... 26

**Яблочкин А.Е.** Криминологические особенности и уголовно-правовая превенция групповых преступлений, совершаемых подростками в состоянии опьянения ..... 29

### Уголовный процесс, криминалистика, теория оперативно-розыскной деятельности и судебная экспертиза

**Иванова Е.В.** Компетенция судебного эксперта, производящего экспертизы наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ: теоретический аспект..... 33

### Административное право и профилактика

**Измайлов В.В.** Новое в антинаркотическом законодательстве: что ожидать от института побуждения к излавлению от употребления наркотиков?..... 38

### Обзоры и рецензии

**Федоров А.В.** Журнал «Наркоконтроль» в информационно-аналитической системе РИНЦ..... 40

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.  
Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

# DRUG CONTROL

Registered at the Federal Service for the Monitoring of Compliance with the Legislation in the Sphere of Mass Communications and Protection of Cultural Heritage. Reg. PI № FS77-33102 of 11.09.2008. Published from 2005.  
Published quarterly.

2(35)  
2014

PUBLISHING GROUP «JURIST»



UNODC

United Nations Office on Drugs and Crime

Information support is provided  
by the UNODC Representative Office in Russia

## Editorial Staff:

**Volevodz A.G.**, doctor of juridical sciences, professor (Moscow)  
**Golovenkov P.V.**, LLD, assessor (Potsdam)  
**D'yakov S.V.**, doctor of juridical sciences, professor (Moscow)  
**Zazhitskiy V.I.**, doctor of juridical sciences, professor (Moscow)  
**Korobeev A.I.**, doctor of juridical sciences, professor (Vladivostok)  
**Matskevich I.M.**, doctor of juridical sciences, professor (Moscow)  
**Romanova L.I.**, doctor of juridical sciences, professor (Vladivostok)  
**Rossinskiy B.V.**, doctor of juridical sciences, professor (Moscow)  
**Rokhlin V.I.**, doctor of juridical sciences, professor (St. Petersburg)  
**Tikhomirov Yu.A.**, doctor of juridical sciences, professor (Moscow)  
**Helman U.**, LLD, professor (Potsdam)  
**Shakhmatov A.V.**, doctor of juridical sciences, professor (St. Petersburg)

## Editor in Chief

**Fedorov A.V.**, candidate of juridical sciences, professor (Moscow)

## Deputy Editor in Chief

**Alenkin S.V.**, candidate of juridical sciences, assistant professor (Moscow)

## Assistant to the Editor in Chief

**Aleksandrova O.A.**, candidate of juridical sciences (Moscow)

## Editor in Chief of Publishing Group "JURIST"

**Grib V.V.**, doctor of juridical sciences, professor

## Scientific editing and proofreading:

**Shvechkova O.A.**, candidate of juridical sciences

**Editorial Office:** Bocharova M.A., Makarova N.M.

**Editorial Subscription Centre:**  
(495) 617-18-88 — multichannel,

E-mail: [podpiska@lawinfo.ru](mailto:podpiska@lawinfo.ru)

## Subscription:

Rospechat\* — 46776. Or on [www.gazety.ru](http://www.gazety.ru)

## Editorial Office Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow

Tel.: (495) 953-91-08,

E-mail: [avtor@lawinfo.ru](mailto:avtor@lawinfo.ru)

Complete or partial reproduction of materials without prior written permission of authors of the articles or the editorial office shall be prosecuted in accordance with law. Free market price.

Size 60x90/8.

Offset printing. Printer's sheet — 5,0.

conventional printed sheet — 5,0.

Circulation 2000 copies.

ISSN 2072-4160

Passed for printing 02.04.2014.

Printed by LLC "National Polygraphic Group"

(4842) 70-03-37

## In issue: ▼

### Drug abuse situation and policy

**Fedorov A.V.** Certain tendencies of development of the Russian criminal-law drug abuse policy conditioned by the impact of international treaties, to which the Russian Federation is a party and the membership thereof in international organizations..... 3

### Criminal law and criminology, criminal-executory law

**Murashov N.F.** Controversial issues of qualification of crimes provided for by articles 229, 229<sup>1</sup> and 230 of the Criminal Code of the RF committed with application of violence: theoretical-law study ..... 15

**Komissarov V.S., Pozhidaev I.E.** Criminal-law concept of cultivation of drug-containing plants ..... 26

**Yablochkin A.E.** Criminological peculiarities and criminal-law prevention of collective crimes committed by juveniles in the state of intoxication ..... 29

### Criminal procedure, criminal investigation technique, theory of operational-search activities and forensic expert evaluation

**Ivanova E.V.** Competence of the forensic expert engaged in forensic expert evaluations of narcotic means, psychotropic and potent substances: theoretical aspects ..... 33

### Administrative law and prophylactics

**Izmajlov V.V.** New issues in the antidrug legislation: what to expect from the institute of inducement to getting rid of drug abuse ..... 38

### Reviews

**Fedorov A.V.** Journal «Drug control» in the information-analytical system of Russian Science Citation Index..... 40

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Journal is included in the database of the Russian Science Citation Index  
**eLIBRARY.RU**

## Отдельные тенденции развития российской уголовно-правовой антинаркотической политики, обусловленные влиянием международных договоров, участницей которых является Российская Федерация, и ее членством в международных организациях

*Федоров Александр Вячеславович,  
главный редактор журнала «Наркоконтроль»,  
кандидат юридических наук, профессор,  
Заслуженный юрист Российской Федерации  
(г. Москва)*

*E-mail: 1956af@mail.ru*

*Fedorov Aleksandr Vyacheslavovich,  
Editor-in-Chief of "Drug Control" journal,  
Honored Lawyer of the Russian Federation,  
candidate of juridical sciences, professor  
(Moscow)*

*E-mail: 1956af@mail.ru*

В статье рассматриваются некоторые тенденции развития российской законодательной (правотворческой, правоустановительной) уголовно-правовой антинаркотической политики, обусловленные влиянием на развитие национальной уголовно-правовой антинаркотической политики международных договоров, участницей которых является Российская Федерация, и ее членства в международных организациях.

**Ключевые слова:** уголовно-правовая политика, уголовно-правовая антинаркотическая политика, законодательная (правотворческая, правоустановительная) уголовно-правовая антинаркотическая политика, тенденции развития уголовно-правовой антинаркотической политики, наркотические средства, психотропные вещества, аналоги, производные и прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ, наркосодержащие растения, перечни (списки) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, наркосодержащих растений, размеры наркотических средств, психотропных веществ и наркосодержащих растений.

### Certain tendencies of development of the Russian criminal-law drug abuse policy conditioned by the impact of international treaties, to which the Russian Federation is a party and the membership thereof in international organizations on responsibility for illicit drug trafficking

*The article concerns some tendencies of development of Russian legislative (law-making, law-establishing) criminal-law antidrug policy conditioned by the impact on development of national criminal-law antidrug policy of international treaties, the party to which is the Russian Federation and the membership thereof in international organizations.*

**Key words:** criminal-law policy, criminal-law antidrug policy, legislative (law-making, law-establishing) criminal-law antidrug policy, tendencies of development of criminal-law anti-drug policy, narcotic means, psychotropic substances, analogues, derivatives and precursors of narcotic means and psychotropic substances, drug-containing plants, lists of narcotic means, psychotropic substance and precursors thereof, drug-containing plants, amounts of narcotic means, psychotropic substances and drug-containing plants.

Негативное развитие наркоситуации в Российской Федерации<sup>1</sup> и в мире в целом<sup>2</sup> требует научного осмысления происходящих процессов наркотизации населения, фактически — пандемии наркомании, выработки эффективной государственной антинаркотической политики, в том числе изучения этой политики в рамках

<sup>1</sup> О наркотизации населения в Российской Федерации и развитии наркоситуации см.: Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 9–25.

<sup>2</sup> Согласно Докладу о наркотиках за 2010 г., подготовленному Управлением ООН по наркотикам и преступности, в настоящее время в мире общее число потребляющих наркотики лиц составляет от 155 до 250 млн человек. Это от 3,5% до 5,7% всего населения планеты в возрасте от 15 до 64 лет. См.: Всемирный доклад о наркотиках за 2010 г. ООН. 2011. С. 12.

юридической науки как одного из видов (направлений) правовой политики.

Обычно уголовно-правовая политика рассматривается в целом по отношению ко всему массиву преступлений<sup>3</sup>. В то же время имеются объективные основания для специального рассмотрения отдельных видов (направлений) уголовно-правовой политики, что подтверждается имеющимися работами российских специалистов в области уголовного права. Например, Н.А. Лопашенко в свое исследование «Основы

<sup>3</sup> См., напр.: Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991; Уголовное право и уголовно-правовая политика // Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. I. Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 70–139.

уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика» включила специальный раздел: «Уголовно-правовая политика в отношении преступлений в сфере экономической деятельности»<sup>4</sup>.

На данный момент имеются все основания для специального рассмотрения и такого вида (направления) уголовно-правовой политики, как антинаркотическая уголовно-правовая политика<sup>5</sup>. Более того, фактически уже имеет место разработка научной теории уголовно-правовой антинаркотической политики, которую условно можно разделить на две части — Общую и Особенную, как это имеет место по отношению к уголовно-правовой политике в целом<sup>6</sup>.

Общая часть включает в себя разработку определения уголовно-правовой антинаркотической политики и уяснение места этого вида правовой политики среди других видов политик<sup>7</sup>, раскрытие содержания уголовно-правовой антинаркотической политики с позиции общей теории правовой политики и теории уголовной политики<sup>8</sup>.

Особенная часть включает изучение международной уголовно-правовой антинаркотической политики и национальных уголовно-правовых антинаркотических политик, в частности — российской уголовно-правовой антинаркотической политики и ее истории; характеристику (оценку) современного состояния уголовно-правовой антинаркотической политики; выявление тенденций и закономерностей развития этого вида правовой политики как на международном, так и на национальном уровнях и ряд других вопросов<sup>9</sup>.

В настоящей статье предпринята попытка раскрыть отдельные положения Особенной части теории уголовно-правовой антинаркотической политики, касающиеся выявления и оценки тенденций ее развития, относящихся к законодательной (правотворческой, правоустановительной) составляющей этого вида российской уголовно-правовой политики и обусловленных влиянием международных договоров, участницей которых является Российская Федерация, и членством в международных организациях.

Дать характеристику законодательной политики и ее тенденциям можно только по отражению этого направления политики в нормативных правовых актах. Таким образом, основой исследования в указанной сфере является изучение законодательства в его развитии за определенный период времени.

Рассматривая конкретные законодательные решения в их совокупности и факторы, влияющие на принятие этих решений, можно выделить определенные тенденции развития как соответствующего вида уголовно-правовой политики, так и законодательства, являющегося, с одной стороны, результатом реализации этой политики, с другой стороны — инструментом реализации соответствующей уголовно-правовой антинаркотической политики.

Предваряя изложение результатов соответствующего изучения, проведенного применительно к уголовно-правовой антинаркотической политике, представляется необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство. Ряд авторов в последнее время высказывают мнение о том, что в современной России отсутствует уголовная политика. Например, В.В. Дорошков одну из своих работ даже назвал: «Уголовная и уголовно-процессуальная политика реально отсутствуют»<sup>10</sup>. Однако столь эмоциональные мнения и названия могут свидетельствовать лишь об определенных «изъянах» этой политики, имеющихся, по мнению авторов указанного и ему подобных выводов, но не об отсутствии политики как таковой.

Уголовно-правовая политика, как бы ее негативно ни оценивали (плохая, непоследовательная, противоречивая, необоснованная и т.д.), от этого не перестает быть политикой и, перефразируя название упомянутой статьи В.В. Дорошкова, «реально присутствует» всегда<sup>11</sup>. В конкретные периоды истории, осо-

коконтроль. 2011. № 4. С. 5–14; Федоров А.В. Российская уголовно-правовая антинаркотическая политика: современное состояние и основные тенденции развития // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса уголовного права. М., 2012. С. 268–298.

<sup>10</sup> См.: Дорошков В.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика реально отсутствуют // Уголовный процесс. 2013. № 12. С. 22–27.

<sup>11</sup> На наш взгляд, абсолютно правы авторы, указывающие, что правовая политика, включающая правотворческую политику, как конкретно-историческое явление социальной действительности, «в том или ином виде существовала в Российском государстве всегда». См.: Малько А.В., Мазуренко А.П. Право-

бенно связанные с социальными потрясениями, она пережила кризис<sup>12</sup>, но не исчезала как таковая. И современная уголовно-правовая политика России такая, какая она есть.

Оценить уголовно-правовую политику в целом или конкретное направление уголовно-правовой политики можно лишь в их развитии и взаимосвязи с реалиями общественного бытия в рамках достаточного для такой оценки периода времени. При этом изучение и оценка эффективности реализуемой политики позволяют выработать предложения по ее совершенствованию.

Для изучения в динамике современной уголовно-правовой антинаркотической политики оптимальной точкой отсчета в целях выделения оценочного временного периода является, на наш взгляд, 1960 г. — год принятия последнего Уголовного кодекса РСФСР (далее по тексту — УК РСФСР), вступившего в силу с 1 января 1961 г.

Выбор именно этой точки отсчета обусловлен тем, что УК РСФСР 1960 г. впервые в российском законодательстве была установлена ответственность за деяния с наркотическими средствами (веществами), тогда как ранее предусматривалась ответственность только за преступления с сильнодействующими и ядовитыми веществами, в число которых включались и вещества, обладающие наркотическими свойствами<sup>13</sup>.

Кроме того, ставя задачу выявить тенденции развития российской уголовно-правовой антинаркотической политики за определенный период времени, необходимо констатировать, что именно понимается в конкретном исследовании под таким явлением, как тенденция в развитии этого вида (направлении) политики, так как использование термина «тенденция» (от латинского *tendo* — «направление, стремление») в юридической литературе многопланово.

В данной статье под тенденциями правотворческой уголовно-правовой антинаркотической политики понимаются отдельные устойчивые характеристики ее развития в фиксируемый период времени, что позволяет делать выводы о сложившейся направленности этого вида политики на определенную перспективу. При этом выявленные тенденции необходимо рассматривать в ди-

творческая политика России: история и современность : монография. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 6.

<sup>12</sup> Например, о кризисе российской уголовной политики см.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.

<sup>13</sup> Об этом см.: Федоров А.В. Ответственность за деяния с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами по праву княжеского периода и Русского централизованного государства (X–XVII вв.) // Наркоконтроль. 2009. № 4. С. 29–36; Федоров А.В. Списки сильнодействующих и ядовитых веществ в Российской империи (XVIII в. — 1917 г.) // Наркоконтроль. 2010. № 1. С. 13–22; Федоров А.В. Определение сильнодействующих и ядовитых веществ как предмета преступления и проступка в российских фармакопеях XIX в. — начала XX в. // Наркоконтроль. 2011. № 3. С. 10–21; Федоров А.В. Сильнодействующие и ядовитые вещества как предмет преступления: история и современность (1917–2008 гг.) // Наркоконтроль. 2008. № 2. С. 8–27.

намике, так как они подвижны: формируются, развиваются, затухают, могут исчерпать себя, трансформироваться (видоизмениться).

Исходя из выявленных тенденций, можно делать прогнозные выводы о развитии в будущем соответствующего вида политики, прогнозировать эффективность ее реализации и оценивать возможные варианты изменения наркоситуации, давать характеристики (в том числе как позитивные, так и негативные) реализуемой уголовно-правовой антинаркотической политики.

В зависимости от критериев, взятых за основу, возможны различные классификации такого рода тенденций. При этом следует учитывать, что отдельные тенденции взаимосвязаны и взаимообусловлены, накладываются друг на друга, ограничены по времени и, как уже было отмечено, могут видоизменяться.

Оценивая проводимую с 1960 г. законодательную уголовно-правовую антинаркотическую политику, можно выделить целый ряд тенденций ее развития, к наиболее значимым из которых, по нашему мнению, относятся, в том числе, **тенденции, обусловленные влиянием на развитие национальной уголовно-правовой антинаркотической политики международных договоров, участницей которых является Российская Федерация, и ее членства в международных организациях.**

Процессы глобализации в XX в. привели к образованию значительного количества международных организаций и подписанию разнообразных многосторонних международных договоров в сфере контроля за оборотом наркотиков и противодействия их незаконному обороту, что оказало и продолжает оказывать существенное влияние на национальные антинаркотические политики и, как следствие, на развитие национальных законодательств.

К числу основных из таких антинаркотических договоров, участницей которых является Российская Федерация, относятся: Единая конвенция о наркотических средствах от 30 марта 1961 г.<sup>14</sup> с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом от 21 февраля 1972 г.<sup>15</sup>, Конвенция о психотропных веществах от 21 февраля 1971 г.<sup>16</sup> и Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г.<sup>17</sup>

<sup>14</sup> См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1963 г. и 31 декабря 1964 г. М., 1970. С. 105–136.

<sup>15</sup> См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 22. Ст. 2269.

<sup>16</sup> См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXV. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1979 г. и 31 декабря 1979 г. М., 1981. С. 416–434.

<sup>17</sup> См.: Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. Международные договоры, заключенные СССР и вступившие в силу с 1 января по 31 декабря 1991 г., которые в настоящее время являются договорами

Конституция Российской Федерации 1993 г. признает эти международные договоры составной частью ее правовой системы, представляющей собой, согласно выработанному в теории права определению, совокупность общеобязательных норм, правовой идеологии и судебной (юридической) практики<sup>18</sup>.

В то же время следует иметь в виду, что участие в международных договорах и международных организациях также является результатом реализации соответствующей национальной политики государства в международной сфере.

Таким образом, имеет место ситуация, когда, реализуя свою политику (в том числе антинаркотическую), государство становится участником определенных международных договоров и организаций, а затем участие в международных договорах и членство в международных организациях начинает оказывать влияние на проведение соответствующей национальной правоустановительной и правоприменительной политики, что находит отражение в том числе в изменении национального законодательства.

Это наглядно иллюстрируют следующие тенденции развития российского уголовного законодательства об ответственности за наркопреступления<sup>19</sup>, отражающие проводимую Российской Федерацией уголовно-правовую антинаркотическую политику.

**1. Тенденция приведения национального законодательства в соответствие с международными обязательствами Российской Федерации по международным договорам в области контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.**

Хотя указанные конвенции и являются, как уже отмечалось, составной частью правовой системы Российской Федерации, они во многих случаях не могут применяться непосредственно, поскольку выполнение требований данных международных договоров осуществляется путем принятия норм национального законодательства<sup>20</sup>.

**1.1. Тенденция поэтапного приведения национального уголовного законодательства в соответствие**

Российской Федерации как государства — продолжателя Союза ССР. М., 1994. С. 133–157.

<sup>18</sup> О понятии правовой системы см.: Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 47–48.

<sup>19</sup> К числу этой категории преступлений относятся так называемые основные, предусмотренные ст. 228–233 УК РФ, и связанные с основными производные, предусмотренные ст. 316, 174, 174.1 и 210 УК РФ, наркопреступления. В силу ограничений по объему настоящей статьи, анализ законодательной уголовно-правовой антинаркотической политики через ее отражение в российском уголовном законодательстве проведен только в отношении основных наркопреступлений.

<sup>20</sup> Подробнее об этом см.: Федоров А.В. Международные антинаркотические конвенции как часть правовой системы и уголовного законодательства Российской Федерации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 171–178.

**с международными обязательствами Российской Федерации по международным договорам.**

Долгое время в российской уголовно-правовой науке доминировал тезис о том, что уголовный закон выступает в качестве единственного источника уголовного права. На наш взгляд, этот тезис не должен подвергаться сомнению и сегодня, когда речь идет о нормативном закреплении уголовно-правовой материи в части, касающейся криминализации и пенализации (установления преступности и наказуемости) деяния.

Однако если принять во внимание положения Конституции, имеющие уголовно-правовое значение, и вопросы правоприменения с учетом наличия бланкетных диспозиций и использования в уголовном законе оценочных понятий, а также с учетом в правоприменении судебной практики<sup>21</sup>, можно вести речь о более широком понимании источников уголовного права, допуская, что при определенных обстоятельствах в качестве таковых возможно признавать и международный договор. В частности, отдельные авторы к числу источников уголовного права относят: 1) Конституцию Российской Федерации; 2) общепризнанные принципы и нормы международного права; 3) федеральные и федеральные конституционные законы Российской Федерации, в том числе Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ); 4) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации<sup>22</sup>.

Представляется, что в указанной ситуации целесообразно рассматривать источники уголовного права в узком и широком их понимании. В узком — когда единственным источником уголовного права признается уголовный закон и в широком — признающем уголовный закон лишь одним из источников уголовного права.

По нашему мнению, в УК РФ закреплено узкое понимание источника уголовного права. Так, согласно ст. 1 УК РФ, российское уголовное законодательство состоит из УК РФ, и новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат обязательному включению в УК РФ, который основывается в том числе на нормах международного права.

Соответственно, в уголовно-правовой сфере нормы международных антинаркотических конвенций не могут применяться непосредственно, требуется их «включение» через национальный закон в УК РФ, что соответствует классическому римскому положению *Nullum crimen sine lege* («Нет преступления без указания на то в законе»).

На данное обстоятельство обращено внимание в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении

<sup>21</sup> См., напр.: Бойцов А.И. Судебная практика как источник уголовного права // Судебная практика в российской правовой системе. СПб., 2003. С. 9–68.

<sup>22</sup> См.: Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 157.

судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»<sup>23</sup>, разъяснившем, что международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором (например, Конвенцией 1961 г.) обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом. Исходя из ст. 54 и п. «о» ст. 71 Конституции, а также ст. 8 УК РФ, уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, применяются лишь в тех случаях, когда норма УК РФ прямо устанавливает необходимость применения международного договора. Например, ст. 355 УК РФ устанавливает ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсического, а также другого вида оружия массового уничтожения, запрещенного международным договором Российской Федерации.

Статьи УК РФ, предусматривающие ответственность за наркопреступления (ст. 228–234 УК РФ), отсылка к международным договорам не содержат. Более того, сами конвенции включают положения, согласно которым охватываемые ими правонарушения определяются, преследуются и караются в соответствии с внутренним правом страны (ст. 36 Конвенции 1961 г., ст. 22 Конвенции 1971 г., ст. 3 Конвенции 1988 г.).

Изложенное является основанием для признания рядом ученых международного договора источником воздействия на становление и развитие российского уголовного законодательства<sup>24</sup>.

Таким образом, указанные конвенции в рассматриваемом случае, хотя они и являются составной частью правовой системы Российской Федерации, не могут применяться непосредственно, поскольку выполнение их требований осуществляется путем принятия норм национального законодательства. Это, в частности, относится к определению элементов составов соответствующих преступлений (и административно наказуемых правонарушений).

Во исполнение взятых по международным антинаркотическим конвенциям обязательств внесены существенные изменения в российское национальное законодательство, устанавливающие ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотроп-

ных веществ и их прекурсоров, а также за нарушение правил оборота таких средств, веществ и прекурсоров.

В том числе во исполнение взятых по антинаркотическим конвенциям обязательств о криминализации конкретных видов деяний, поэтапно вносились существенные изменения в российское уголовное законодательство — в УК РСФСР, а затем — в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ), устанавливающие ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и наркосодержащих растений, а также за нарушение правил оборота таких средств, веществ, прекурсоров и растений.

Последовательно устанавливалась уголовная ответственность за соответствующего рода деяния не как с сильнодействующими и ядовитыми веществами, а как с наркотическими веществами (1961 г.), наркотическими средствами (1987 г.), психотропными веществами (1994 г., 1996 г.), аналогами наркотических средств и психотропных веществ (2003 г.), прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ (2011–2012 гг.).

Внесенные изменения не ограничились определением элементов составов соответствующих преступлений, но и потребовали принятия соответствующих национальных перечней (списков) наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и наркосодержащих растений.

**1.2. Тенденция приведения национальных списков (перечней) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также наркосодержащих растений в соответствие с международными обязательствами Российской Федерации по международным договорам.**

В мире известны два основных подхода к определению контролируемых (ограниченно оборотоспособных) веществ. Первый — когда дается общее их определение и в необходимом случае проводится сопоставление на предмет того, соответствует или не соответствует конкретное вещество этому определению. Второй — когда устанавливается перечень (номенклатура, список, каталог) соответствующих веществ и в каждом конкретном случае производится сопоставление определенного вещества с этим перечнем.

Применительно к наркотическим средствам и психотропным веществам, а также прекурсорами таких средств и веществ, в международных конвенциях используется второй вариант. Российским законодательством также воспринят указанный подход<sup>25</sup>.

Во исполнение принятых на себя обязательств Российской Федерацией сформирована национальная система контроля за оборотом наркотических средств,

<sup>23</sup> См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12. С. 3–8; 2013. № 5. С. 1–2.

<sup>24</sup> Об этом см.: Родионова Т.А. Проблемы влияния международного права на отечественное уголовное законодательство: история вопроса и перспективы развития. М., 2012. С. 86.

<sup>25</sup> См.: Федоров А.В. Определение наркотических средств и психотропных веществ в Конвенциях ООН и его значение для уголовного законодательства // Наркоконтроль. 2012. № 4. С. 2–22.

психотропных веществ и прекурсоров таких средств и веществ, а также противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими, сопряженная с глобальной международной системой контроля за наркотиками<sup>26</sup>.

После вступления в действие УК РСФСР 1960 г. длительный период времени наркотические вещества по-прежнему рассматривались в составе сильнодействующих и ядовитых веществ, а в дальнейшем стали определяться исходя из приказов Минздрава СССР, позже — заключений Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве СССР (с 1992 г. при Минздраве России).

На правительственном уровне впервые список наркотических средств был нормативно определен в 1996 г.<sup>27</sup>

В 1998 г. Правительством Российской Федерации утвержден Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации<sup>28</sup> (далее по тексту — Перечень), включающий 199 наименований наркотических средств, 34 наименования психотропных веществ и 26 наименований прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ.

В последующем в это постановление 35 раз (по состоянию на 1 января 2014 г.) вносились различные изменения. В результате Перечень на данный момент содержит уже 251 наименование наркотических средств (+52), 91 наименование психотропных веществ (+57) и 64 наименования прекурсоров таких средств и веществ (+38).

Реально же круг контролируемых веществ расширен еще больше за счет производных наркотических средств и психотропных веществ<sup>29</sup>. Если в 1998 г. в Пе-

речне указывались только производные двух наркотических средств (лизергиновой кислоты и экгонина), то в настоящее время — 76 производных наркотических средств и психотропных веществ и производные одного прекурсора<sup>30</sup>.

Было также издано постановление Правительства Российской Федерации от 3 сентября 2004 г. № 454, запретившее культивирование на территории Российской Федерации растений, содержащих наркотические вещества, и установившее крупные размеры таких растений для целей УК РФ<sup>31</sup>, а затем заменившее его постановление от 27 ноября 2010 г. № 934, которое утвердило перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю, а также крупные и особо крупные размеры таких растений для целей УК РФ<sup>32</sup>.

Потребовалось 52 года (с 1961 г. по 2013 г.), чтобы путем внесения поэтапных изменений в законодательство привести российские списки наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в соответствие с конвенционными<sup>33</sup>.

**1.3. Тенденция установления национальных мер контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также наркосодержащих растений, соответствующих международным договорам, участницей которых является Российская Федерация.**

Указанная тенденция имеет уголовно-правовое значение, так как выражается в нормативном установлении возможности и правил легального оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также наркосодержащих растений, что, соответственно, позволяет криминализовать незаконный (нарушающий национальные правила) оборот таких средств, веществ и растений.

В то же время проводимая правотворческая уголовно-правовая антинаркотическая политика в ча-

или нескольких атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп в химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества на иные одновалентные и (или) двухвалентные атомы или заместители (за исключением гидроксильной и карбоксильной групп), суммарное количество атомов углерода в которых не должно превышать количество атомов углерода в исходной химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества.

<sup>26</sup> На законодательном уровне эта система получила закрепление в Федеральном законе от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также в постановлении Правительства Российской Федерации от 30 июня 1988 г. № 681, утвердившем национальный перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

<sup>27</sup> См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 3 августа 1996 г. № 930 «Об утверждении номенклатуры наркотических средств, сильнодействующих и ядовитых веществ, на которые распространяется порядок ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 16 марта 1996 г. № 278, а также квот на ввоз (вывоз) наркотических средств» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4122.

<sup>28</sup> См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 27. Ст. 3198.

<sup>29</sup> Производными наркотических средств и психотропных веществ признаются вещества синтетического или естественного происхождения, которые не включены самостоятельными позициями в государственный реестр лекарственных средств или в настоящий перечень, химическая структура которых образована заменой (формальным замещением) одного

<sup>30</sup> О производных наркотических средств и психотропных веществ см.: Федоров А.В. Определение производных наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2013. № 1 (29). С. 50–61.

<sup>31</sup> См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 37. Ст. 3734.

<sup>32</sup> См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 50. Ст. 6696.

<sup>33</sup> Об этом см.: Федоров А.В. Приведение российских перечней наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ в соответствие с международными антинаркотическими конвенциями: история вопроса и современное состояние // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 8–19.



сти реализации положений международных договоров не всегда последовательна и имеют место случаи принятия актов, противоречащих, на наш взгляд, принятым на себя Российской Федерацией обязательствам по международным антинаркотическим конвенциям.

Примером тому является Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, которым в УК РФ включена ст. 229<sup>1</sup>, и, если раньше предметами контрабанды признавались инструменты и оборудование, предназначенные для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, то теперь, в соответствии со ст. 229<sup>1</sup> УК РФ, — только для изготовления<sup>34</sup>.

Внесенные этим законом в УК РФ изменения, касающиеся инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем, следует рассматривать как частичную декриминализацию деяний, связанных с незаконным оборотом указанных инструментов и оборудования, так как произошло сокращение видов соответствующих инструментов и оборудования, признаваемых предметами контрабанды<sup>35</sup>.

Указанные изменения, на наш взгляд, противоречат положениям Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., содержащей требования о контроле за оборотом оборудования, предназначенного для использования в целях незаконного производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ. Эта Конвенция, разделяя понятия производства и изготовления, содержит требование об установлении ответственности за незаконный оборот оборудования, предназначенного как для изготовления, так и для производства наркотических средств или психотропных веществ.

Федеральный закон № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» также разделяет понятия «производство» и «изготовление»<sup>36</sup>.

<sup>34</sup> См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

<sup>35</sup> Для определения того, какие именно инструменты и оборудование относятся к предметам контрабанды, ответственность за которую установлена ст. 229.1 УК РФ, следует руководствоваться постановлением Правительства Российской Федерации от 22 марта 2001 г. № 221 «Об утверждении перечня инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ, и Правил разработки, производства, изготовления, хранения, перевозки, пересылки, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования, ввоза на таможенную территорию Российской Федерации, вывоза с таможенной территории Российской Федерации, уничтожения инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств, психотропных веществ». См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 13. Ст. 1272; 2004. № 8. Ст. 663, № 47. Ст. 4666; 2005. № 7. Ст. 560; 2008. № 50. Ст. 5946; 2012. № 37. Ст. 5002, № 41. Ст. 5625.

<sup>36</sup> Подробнее об этом см.: Федоров А.В. Об отнесении к предметам контрабанды инструментов и оборудования,

им производство наркотических средств и психотропных веществ определяется как действия, направленные на серийное получение наркотических средств или психотропных веществ из химических веществ и (или) растений, а изготовление наркотических средств и психотропных веществ — как действия, в результате которых на основе наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров получены готовые к использованию и потреблению формы наркотических средств, психотропных веществ или содержащие их лекарственные средства.

С учетом изложенного, а также учитывая имеющую место недостаточную урегулированность на национальном уровне ряда положений указанных международных договоров, можно уверенно констатировать, что процесс приведения российского уголовного законодательства в соответствие с международными антинаркотическими конвенциями будет продолжен.

### **2. Тенденции, обусловленные влиянием на развитие национального уголовного законодательства участия Российской Федерации в международных организациях.**

Как уже отмечалось, выделяя определенные тенденции развития уголовно-правовой антинаркотической политики, следует учитывать, что такое выделение всегда носит в определенной степени условный характер, так как многие тенденции взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В частности, рассматривая тенденцию приведения национального уголовного законодательства в соответствие с международными обязательствами Российской Федерации по международным договорам в области контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, можно говорить, что эта тенденция связана с членством в определенной организации (в данном случае — ООН), ставшей инициатором проведения конференций по принятию соответствующих конвенций.

Однако представляется целесообразным отдельное рассмотрение указанных выше конвенций (что и сделано ранее в данной статье) в силу универсального характера этих документов, обусловленного участием в них почти всех государств мира, в отличие от договоров и иных решений международных региональных организаций.

#### **2.1. Влияние на развитие национального уголовного законодательства участия Российской Федерации в Содружестве Независимых Государств (СНГ) и**

находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ // Таможенные чтения 2013. Современный мир: проблемы глобализации: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общей ред. А.Н. Мячина. СПб.: Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал РТА, 2013. С. 331–334.

### членства Российской Федерации в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

После распада Советского Союза рухнули барьеры, ограждавшие от крупномасштабного проникновения наркотиков на территории образованных на постсоветском пространстве государств. Ситуация усугублялась резким увеличением производства опиатов в приграничном со странами — участниками СНГ Афганистане, являющемся одним из основных поставщиков героина на международный рынок, а также обострением социально-экономической обстановки в странах Содружества. В результате в середине 90-х гг. темпы наркотизации населения в большинстве государств — участников СНГ приобрели критический характер.

Сейчас уже очевидно, что государства — участники Содружества оказались не готовы к отражению наркоагрессии, в том числе и по причине отсутствия адекватной масштабам наркоугрозы правовой базы, регламентирующей вопросы контроля за наркотиками и противодействия их незаконному обороту.

Потребность в принятии согласованных решений на всем пространстве СНГ, обеспечивающих объединение усилий и дальнейшее развитие сотрудничества в борьбе с незаконным распространением наркотиков, обусловила принятие соответствующих решений в рамках Содружества, нашедших отражение в многочисленных документах Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ (далее по тексту — МПА СНГ). В том числе с целью гармонизации и унификации законодательств государств — участников СНГ<sup>37</sup> были подготовлены и приняты в 1996 г.:

— модельный Уголовный кодекс<sup>38</sup>, использованный в дальнейшем в качестве основы для разработки новых уголовных кодексов многих государств — участников СНГ<sup>39</sup>, и

— рекомендательный законодательный акт «О противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров»<sup>40</sup>, носящий комплексный характер и с учетом положений других рекомендательных актов интегрирующий в едином «массиве» уголовно-правовые, административно-

правовые, оперативно-розыскные и организационные меры, направленные на усиление борьбы с наркопреступностью<sup>41</sup>.

Эти рекомендательные акты стали типовыми образцами, которые в той или иной мере использовались в качестве модели при подготовке соответствующих законопроектов в каждом из государств — участников СНГ, что способствовало не только сближению, но и дальнейшему совершенствованию национальных законодательств в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

В 2005–2006 гг. с учетом изменений в наркоситуации и развитии национальных правовых систем государств — участников СНГ были разработаны проект модельного закона «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» и, на его основе, проект Рекомендаций по унификации и гармонизации законодательства государств — участников СНГ в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Принятие этих актов постановлением МПА СНГ от 16 ноября 2006 г.<sup>42</sup> зафиксировало ряд предложений по совершенствованию уголовной ответственности за наркопреступления, придав им рекомендательный характер в рамках СНГ.

Однако новый модельный закон уже не оказался востребованным в той же мере, что и предыдущий. Как показывает оценка реализации принятых в последнее десятилетие рекомендательных актов, антинаркотический «модельный потенциал» СНГ стал существенно менее значим для национальных законодателей, включая российских.

Попытка придать новый импульс согласованному развитию национальных антинаркотических законодательств через принимаемые более узким кругом государств — участников Содружества, являющихся членами ОДКБ, рекомендации Парламентской Ассамблеи ОДКБ пока также является малоэффективной.

Можно констатировать, что тенденция влияния решений этих региональных международных организаций на российскую правотворческую уголовно-правовую антинаркотическую политику и развитие российского антинаркотического законодательства на данный момент себя во многом исчерпала, оставив невостребованным в должной степени заложенный в ней потенциал и уступив место другой тенденции — развитию уголовного законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков с учетом догово-

<sup>37</sup> О процессе унификации и гармонизации законодательств в рамках СНГ подробнее см.: Fedorov A.V. Harmonization and Unification of Legislation in the CIS // RUSSIAN LAW: theory and practice. 2008. № 1. С. 94–106.

<sup>38</sup> Принят постановлением МПА СНГ от 17 февраля 1996 г. № 7-5. См.: Информационный бюллетень МПА СНГ. 1996. № 10. С. 83; Приложение № 1 к «Информационному бюллетеню». 1996. № 10. С. 84–216.

<sup>39</sup> Как с присущей ему скромностью отметил Б.В. Волженкин, руководитель авторского коллектива по подготовке модельного Уголовного кодекса, этот акт «оказал заметное влияние на формирование уголовного законодательства многих новых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве». См.: Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб., 2008. С. 12.

<sup>40</sup> Принят постановлением МПА СНГ от 2 ноября 1996 г. № 8-8. См.: Информационный бюллетень МПА СНГ. 1997. № 12. С. 101–130.

<sup>41</sup> Об этом акте и его значении см.: Федоров А.В., Михайлов В.И. Модельное законодательство о противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии. 1996. № 1. С. 232–236; Федоров А.В. СНГ: вопросы гармонизации и унификации законодательства о наркотиках // Наркоконтроль. 2006. № 2. С. 6–12.

<sup>42</sup> См.: Информационный бюллетень МПА СНГ. 2007. № 39. Часть I. С. 105–108, 116–227.

ров, связанных с созданием ЕврАзЭС, и решений этой организации.

### 2.2. Влияние на развитие национального антинаркотического уголовного законодательства участия Российской Федерации в международной организации Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и Таможенном союзе в рамках ЕврАзЭС.

В 2009 г. три страны ЕврАзЭС: Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация — подписали Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза<sup>43</sup>. Этим международным договором названные государства приняли Таможенный кодекс Таможенного союза (ТКТС), в соответствии с которым территории Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация составляют Единую таможенную территорию Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. 1 июля 2011 г. на внутренних границах этих трех стран снят контроль за передвижением товаров.

Указанные решения потребовали изменений национальных законодательств государств — членов Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, в том числе уголовного законодательства, и Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ такие изменения внесены в УК РФ<sup>44</sup>. Так, признана утратившей силу ст. 188 УК РФ и одновременно УК РФ дополнен ст. 229<sup>1</sup>, устанавливающей ответственность за наркоконтрабанду<sup>45</sup> и определяющей ее как незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС соответствующих предметов. При этом понятия ЕврАзЭС и таможенной границы Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС раскрыты в международных договорах.

Учитывая, что Таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС представляет собой пределы единой таможенной территории Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС<sup>46</sup>, незаконное перемещение предметов наркоконтрабанды через эту границу обоснован-

но признается УК РФ преступлением против интересов Российской Федерации, и ответственность за такие деяния может наступать по ст. 229<sup>1</sup> УК РФ даже в тех случаях, когда такого рода деяния совершены вне пределов Российской Федерации.

То, что ст. 229<sup>1</sup> УК РФ позволяет привлекать к ответственности лиц, совершивших контрабандное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС на любом участке этой границы, подтверждает и ратифицированный Российской Федерацией<sup>47</sup> Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств — членов Таможенного союза (Астана, 5 июля 2010 г.). Этим договором предусмотрено несколько таких случаев. Например, по нему каждая сторона в соответствии со своим законодательством может возбуждать и расследовать уголовные дела по преступлениям, направленным против ее интересов, совершенным на территории других сторон. Кроме того, если преступления совершены лицом на территории разных стран, то по согласованию между уполномоченными в соответствии с законодательством сторон органами уголовное дело может расследоваться на территории той стороны, где совершено большинство преступлений или наиболее тяжкое из них.

Таким образом, российские правоохранительные органы могут по ст. 229<sup>1</sup> УК РФ привлекать к ответственности лиц, совершивших наркоконтрабанду на границах Республики Казахстан и Республики Беларусь с другими странами, например, на казахстанско-китайской или белорусско-польской границе<sup>48</sup>.

Участие в Таможенном союзе в рамках ЕврАзЭС и дальше будет оказывать существенное влияние на развитие антинаркотического законодательства<sup>49</sup>, напри-

<sup>43</sup> См.: Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза (Минск, 27 ноября 2009 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 50. Ст. 6615.

<sup>44</sup> См.: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362

<sup>45</sup> В данном случае и далее под наркоконтрабандой понимается контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ.

<sup>46</sup> Согласно ст. 2 ТКТС Единую таможенную территорию Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС составляют территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.

<sup>47</sup> См.: Федеральный закон от 5 апреля 2011 г. № 59-ФЗ «О ратификации Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств — членов Таможенного союза» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2032.

<sup>48</sup> Подробнее об изменении российского уголовного законодательства в связи с образованием Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС см.: Федоров А.В. Изменения в законодательстве об ответственности за контрабанду наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ // Наркоконтроль. 2012. №1. С. 2–15; Федоров А.В. Изменения в законодательстве об ответственности за контрабанду: новые реалии и проблемы // Уголовное право. 2012. № 2. С. 71–77; Федоров А.В. Россия в меняющемся мире: новое в законодательстве об ответственности за контрабанду наркотиков // Таможенные чтения — 2012. Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Т. II / под общ. ред. А.Н. Мячина. СПб. : Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал РТА, 2012. С. 227–233.

<sup>49</sup> Не исключено, что внесения изменений в российское уголовное законодательство потребует и недавно принятое решение Высшего Евразийского экономического совета, которым принят «Договор о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финанси-

мер, в части принятия единых списков наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров для всех стран Таможенного союза.

В заключение следует отметить, что тенденция приведения национального антинаркотического уголовного законодательства в соответствие с международными обязательствами Российской Федерации и условиями членства в региональных международных организациях тесно связана с обусловленными глубокими социальными изменениями в российском обществе процессами, оказывающими влияние на распространение наркопотребления и наркопреступно-

рованию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза». См.: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2011 г. № 12 «О принятии международных договоров Таможенного союза». Текст решения опубликован на сайте Комиссии Таможенного союза в Internet (<http://www.tsouz.ru>) 22 декабря 2011 г.

### Литература

1. Алексеев А.И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А.И. Алексеев, В.С. Овчинский, Э.Ф. Побегайло. М.: Норма, 2006. 144 с.
2. Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. М.: Статут, 1999. 711 с.
3. Бойцов А.И. Судебная практика как источник уголовного права / А.И. Бойцов // Судебная практика в российской правовой системе. СПб., 2003. С. 9–68.
4. Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.) / Б.В. Волженкин. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 971 с.
5. Дорошков В.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика реально отсутствуют / В.В. Дорошков // Уголовный процесс. 2013. № 12. С. 22–27.
6. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991. 240 с.
7. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 337.
8. Лопашенко Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. М.: Волтерс Клувер, 2009. 608 с.
9. Малько А.В., Мазуренко А.П. Правотворческая политика России: история и современность: монография / А.В. Малько, А.П. Мазуренко. М.: Юрлитинформ, 2013. 256 с.
10. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. I. Преступление и наказание. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр «Пресс», 2008. 1113 с.
11. Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств / Ю.Е. Пудовочкин, С.С. Пирвагидов. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 297 с.
12. Родионова Т.А. Проблемы влияния международного права на отечественное уголовное законодательство: история вопроса и перспективы развития / Т.А. Родионова. М.: Юрлитинформ, 2012. 184 с.

сти. Эти процессы также существенно воздействуют на законодательную уголовно-правовую антинаркотическую политику.

В последние годы в условиях кризиса международного права можно наблюдать в ряде стран реализацию «двойных стандартов» по отношению к контролю за наркотиками. Примером таких «двойных стандартов» является легализация оборота марихуаны в ряде штатов США, приостановление США сотрудничества с Российской Федерацией в борьбе с наркотрафиком, а также политика этой страны по отношению к наркопроизводству в Афганистане.

В отличие от стран, придерживающихся практики «двойных стандартов», Российская Федерация проводит последовательную антинаркотическую политику, обеспечивающую выполнение взятых обязательств по международным договорам, участницей которых она является.

### Bibliography

1. Alekseev A.I., Ovchinskij V.S., Pobegajlo E'.F. Rossijskaya ugolovnaya politika: preodolenie krizisa [Russian criminal policy: crisis negotiation]. Moscow, Norma Publ., 2006. 144 p.
2. Alekseev S.S. Pravo: azbuka - teoriya - filosofiya: Opy't kompleksnogo issledovaniya [Law: alphabet - theory - philosophy: Practice of a complex study]. Moscow, Statut Publ., 1999. 711 p.
3. Bojtsov A.I. [Judicial practice as a source of criminal law] Sudebnaya praktika v Rossijskoj pravovoj sisteme [Judicial practice in the Russian legal system]. St. Petersburg, 2003, pp. 9 – 68. (in Russ.).
4. Volzhenkin B.V. Izbranny'e trudy' po ugolovnomu pravu i kriminologii (1963 - 2007 gg.) [Selected works on criminal law and criminology (1963 - 2007)]. St. Petersburg, Izdatel'stvo R. Aslanova "Yuridicheskij tsentr Press" Publ., 2008. 971 p.
5. Doroshkov V.V. Ugolovnaya i ugolovno-protsessual'naya politika real'no otsutstvuyut [Criminal and criminal-law policy is absent in reality]. Criminal Procedure - Ugolovny'j process, 2013, no. 12, 2013, pp. 22 – 27.
6. Korobeev A.I., Uss A.V., Golik Yu.V. Ugolovno-pravovaya politika: tendentsii i perspektivy' [Criminal-law policy: tendencies and perspectives]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk University Publ., 1991. 240 p.
7. Lopashenko N.A. Osnovy' ugolovno-pravovogo vozdejstviya: ugolovnoe pravo, ugolovny'j zakon, ugolovno-pravovaya politika [Fundamentals of criminal-law impact: criminal law, criminal legal act, criminal-law policy]. St. Petersburg, Yuridicheskij tsentr Press Publ., 2004. 337 p.
8. Lopashenko N.A. Ugolovnaya politika [Criminal policy]. Moscow, Wolters-Kluwer Publ., 2009. 608 p.
9. Mal'ko A.V., Mazurenko A.P. Pravotvorcheskaya politika Rossii: istoriya i sovremennost': monografiya [Law-making policy of Russia: history and contemporaneity: monograph]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2013. 256 p.
10. Korobeev A.I., ed. Polny'j kurs ugolovnogo prava: v 5 tomakh. Tom I: Prestuplenie i nakazanie [Complete course of criminal law in 5 volumes, Vol. I: Crime and punishment]. St. Petersburg, Izdatel'stvo R.Aslanova "Yuridicheskij tsentr "Press" Publ., 2008. 1113 p.
11. Pudovochkin Yu.E., Pivragidov S.S. Ponyatie, printsipy i istochniki ugolovnogo prava: sravnitel'no-pravovoj analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimy'kh Gosudarstv [Concept, principles and sources of criminal law: comparative-law analysis of the legislation of Russia and members of the Commonwealth of Independent States]. St. Petersburg, Yuridicheskij tsentr "Press" Publ., 2003. 297 p.
12. Rodionova T.A. Problemy' vliyaniya mezhdunarodnogo prava na otechestvennoe ugolovnoe zakonodatel'stvo: istoriya voprosa i perspektivy' razvitiya [Issues of the impact of international law on the Russian criminal legislation: history of the issue and perspectives of development]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2012. 184 p.

13. Федоров А.В. Государственно-правовая антинаркотическая политика Российской Федерации и изменения в законодательстве о контроле за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и противодействии их незаконному обороту / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2007. № 3. С. 2–12.
14. Федоров А.В. Изменения в законодательстве об ответственности за контрабанду наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2012. № 1. С. 2–15.
15. Федоров А.В. Изменения в законодательстве об ответственности за контрабанду: новые реалии и проблемы / А.В. Федоров // Уголовное право. 2012. № 2. С. 71–77.
16. Федоров А.В. Международные антинаркотические конвенции как часть правовой системы и уголовного законодательства Российской Федерации / А.В. Федоров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 171–178.
17. Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 4–27.
18. Федоров А.В. Об отнесении к предметам контрабанды инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ // Таможенные чтения — 2013. Современный мир: проблемы глобализации: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. А.Н. Мячина. СПб.: Санкт-Петербургский имени В.Б. Бобкова филиал РТА, 2013. С. 331–334.
19. Федоров А.В. О месте российской уголовно-правовой антинаркотической политики в системе других видов правовой политики / А.В. Федоров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2012. № 2 (42). С. 111–128.
20. Федоров А.В. Определение наркотических средств и психотропных веществ в Конвенциях ООН и его значение для уголовного законодательства / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2012. № 4. С. 2–22.
21. Федоров А.В. Определение сильнодействующих и ядовитых веществ как предмета преступления и проступка в российских фармакопеях XIX в. — начала XX в. / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2011. № 3. С. 10–21.
22. Федоров А.В. Ответственность за деяния с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами по праву княжеского периода и Русского централизованного государства (X–XVII вв.) / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2009. № 4. С. 29–36.
23. Федоров А.В. Приведение российских перечней наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ в соответствие с международными антинаркотическими конвенциями: история вопроса и современное состояние / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 8–18.
24. Федоров А.В. Реализация уголовно-правовой политики по противодействию незаконному обороту наркотиков / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2007. № 4. С. 2–7.
25. Федоров А.В. Российская уголовно-правовая антинаркотическая политика: современное состояние и основные тенденции развития / А.В. Федоров // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели: материалы VII Российского конгресса
13. Fedorov A.V. Gosudarstvenno-pravovaya antinarkoticheskaya politika Rossijskoj Federatsii i izmeneniya v zakonodatel'stve o kontrole za oborotom narkoticheskikh sredstv i psikhotropny'kh veshhestv i protivodejstviya ikh nezakonnomu oborotu [State-law antidrug policy of the Russian Federation and changes in the legislation on control of turnover of narcotic means and psychotropic substances and combatting illegal turnover thereof]. Drug Control - Narkokontrol', 2007, no. 3, pp. 2 – 12.
14. Fedorov A.V. Izmeneniya v zakonodatel'stve ob otvetstvennosti za kontrabandu narkoticheskikh sredstv, psikhotropny'kh, sil'nodejstvuyushhikh i yadovity'kh veshhestv [Changes in the legislation on responsibility for contraband of narcotic means, psychotropic, potent and poisonous substances]. Drug Control - Narkokontrol', 2012, no. 1, pp. 2 – 15.
15. Fedorov A.V. Izmeneniya v zakonodatel'stve ob otvetstvennosti za kontrabandu: novy'e realii i problemy' [Changes in the legislation on responsibility for contraband: new environment and problems]. Criminal Law - Ugolovnoe pravo, 2012, no. 2, pp. 71 – 77.
16. Fedorov A.V. Mezhdunarodny'e antinarkoticheskie konventsii kak chast' provovoj sistemy' i ugovolnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii [International antidrug conventions as a part of legal system and criminal legislation of the Russian Federation]. Forensic Expert's Library. Scientific Journal - Biblioteka kriminalista. Nauchny'j zhurnal, 2013, no. 6(11), pp. 171 – 178.
17. Fedorov A.V. Narkokriminologiya kak odno iz napravlenij kriminologii [Drug criminology as one of directions of criminology]. Drug Control - Narkokontrol', 2013, no. 1, pp. 4 – 27.
18. Fedorov A.V., Myachin A.N., ed. [On referring to the subjects of contraband of instruments and equipment being under special control and used for manufacturing and preparation of narcotic means and psychotropic substances]. Tamozhenny'e chteniya - 2013. Sovremenny'j mir: problemy' globalizatsii: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodny'm uchastiem [Customs Readings - 2013. Modern world: problems of globalization: Information package of the All-Russia practice international conference]. St. Petersburg, V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy Publ., 2013, pp. 331 – 334. (in Russ.).
19. Fedorov A.V. O meste rossijskoj ugovolno-pravovoj antinarkoticheskoy politiki v sisteme drugikh vidov pravovoj politiki [On the place of the Russian criminal-law antidrug policy in the system of other types of legal policy]. Memoirs of V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy - Ucheny'e zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii, 2012, no. 2(42), pp. 111 – 128.
20. Fedorov A.V. Opredelenie narkoticheskikh sredstv i psikhotropny'kh veshhestv v Konventsiyakh OON i ego znachenie dlya ugovolnogo zakonodatel'stva [Definition of narcotic means and psychotropic substances in UN Conventions and significance thereof for criminal legislation]. Drug Control - Narkokontrol', 2012, no 4, pp. 2 – 22.
21. Fedorov A.V. Opredelenie sil'nodejstvuyushhikh i yadovity'kh veshhestv kak predmeta prestupleniya i prostupka v rossijskikh farmakopeyakh XIX - nachala XX veka [Definition of potent and poisonous substances as a target of crime and offence in Russian codices of the XIX - beginning of the XX centuries]. Drug Control - Narkokontrol', 2011, no. 3, pp. 10 – 21.
22. Fedorov A.V. Otvetstvennost' za deyaniya s narkoticheskimi sredstvami, psikhotropny'mi, sil'nodejstvuyushhimi i yadovity'mi veshhestvami po pravu knyazheskogo perioda i Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (X - XVII vv.) [Responsibility for actions with narcotic means, psychotropic, potent and poisonous substances under the law of the duke's period and the Russian centralized state (X - XVII centuries)]. Drug Control - Narkokontrol', 2009, no. 4, pp. 29 – 36.
23. Fedorov A.V. Privedenie rossijskikh perechnej narkoticheskikh sredstv, psikhotropny'kh veshhestv, prekursorov narkoticheskikh sredstv i psikhotropny'kh veshhestv, sil'nodejstvuyushhikh i yadovity'kh veshhestv v sootvetstvie s mezhdunarodny'mi antinarkoticheskimi konventsiyami: istoriya voprosa i sovremennoe sostoyanie [Bringing of Russian lists of narcotic means, psychotropic substances, precursors of narcotic means and psychotropic substances, potent and poisonous substances in conformity with international antidrug conventions: history of the issue and the contemporary state]. Drug Control - Narkokontrol', 2013, no. 2, pp. 8 – 18.
24. Fedorov A.V. Realizatsiya ugovolno-pravovoj politiki po protivodejstviyu nezakonnomu oborotu narkotikov [Implementation of a criminal-law policy for combatting illegal turnover of drugs]. Drug Control - Narkokontrol', 2007, no. 4, pp. 2 – 7.
25. Fedorov A.V. [Russian criminal-law antidrug policy: contemporary state and fundamental tendencies of development]. Sovremennaya ugovolnaya politika: poisk optimal'noj modeli: materialy' VII Rossijskogo kongressa ugovolnogo prava (31 maya - 1 iyunya 2012 goda) [Contemporary criminal policy: search for an optimal model: materials of the VII Russian Congress of criminal law (May 31 - June 1, 2012)]. Moscow, Prospekt Publ., 2012, pp. 268 – 298. (in Russ.).

- уголовного права (31 мая — 1 июня 2012 г.). М. : Проспект, 2012. С. 268–298.
26. Федоров А.В. Россия в меняющемся мире: новое в законодательстве об ответственности за контрабанду наркотиков // Таможенные чтения — 2012. Россия в меняющемся мире: вызовы и возможности : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Т. II / под общ. ред. А.Н. Мячина. СПб. : Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал РТА, 2012. С. 227–233.
  27. Федоров А.В. Сильнодействующие и ядовитые вещества как предмет преступления: история и современность (1917–2008 гг.) / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2008. № 2. С. 8–27.
  28. Федоров А.В. СНГ: вопросы гармонизации и унификации законодательства о наркотиках / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2006. № 2. С. 6–12.
  29. Федоров А.В. Списки сильнодействующих и ядовитых веществ в Российской империи (XVIII в. — 1917 г.) / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2010. № 1. С. 13–22.
  30. Федоров А.В. Тенденции развития российской антинаркотической политики на современном этапе / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2011. № 4. С. 5–14.
  31. Федоров А.В. Уголовно-правовая политика противодействия незаконному обороту наркотиков как составляющая государственно-правовой антинаркотической политики / А.В. Федоров // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С. Дагеля / науч. ред. проф. А.И. Коробеев. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. С. 95–124.
  32. Федоров А.В., Михайлов В.И. Модельное законодательство о противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров для государств — участников СНГ / А.В. Федоров // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1996. № 2. С. 232–236.
  33. Fedorov A.V. Harmonization and Unification of Legislation in the CIS // RUSSIAN LAW: theory and practice. 2008. № 1. С. 94–106.
  26. Fedorov A.V., Myachin A.N., ed. [Russia in the changing world: new issues in the legislation on responsibility for contraband of drugs]. Tamojenny'e chteniya 2012. Rossiya v menyayushhemsya mire: vyzovy' i vozmozhnosti: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodny'm uchastiem. Tom II [Customs Readings 2012. Russia in the changing world: challenges and opportunities: Information package of the All-Russia practice international conference. Volume II]. St. Petersburg, V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy Publ., 2012, pp. 227 – 233. (in Russ.).
  27. Fedorov A.V. Sil'nodejstvuyushhie i yadovity'e veshhestva kak predmet prestupleniya: istoriya i sovremennost' (1917 - 2008 gg.) [Potent and poisonous substances as a target of crime: history and contemporaneity (1917 - 2008)]. Drug Control - Narkokontrol', 2008, no. 2, pp. 8 – 27.
  28. Fedorov A.V. SNG: voprosy' garmonizatsii i unifikatsii zakonodatel'stva o narkotikakh [CIS: issues of harmonization and unification of the legislation on drugs]. Drug Control - Narkokontrol', 2006, no. 2, pp. 6 – 12.
  29. Fedorov A.V. Spiski sil'nodejstvuyushhikh i yadovity'kh veshhestv v Rossijskoj imperii (XVIII v. - 1917 g.) [Lists of potent and poisonous substances in the Russian Empire (XVIII century - 1917)]. Drug Control - Narkokontrol', 2010, no. 1, pp. 13 – 22.
  30. Fedorov A.V. Tendentsii razvitiya rossijskoj antinarkoticheskoy politiki na sovremennom e'tape [Tendencies of development of the Russian antidrug policy at the contemporary stage]. Drug Control - Narkokontrol', 2011, no. 4, pp. 5 – 14.
  31. Fedorov A.V., Korobeev A.I., ed. [Criminal-law policy of combatting illegal turnover of drugs as an element of the state-law antidrug policy]. Ugolovnaya politika i pravo v e'pokhu peremen: materialy' mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoj pamyati professora P.S. Dagelya [Criminal policy and law in the interesting times: materials of the international scientific-practice conference devoted to the memory of professor P.S. Dage'l]. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo Universiteta Publ., 2010. Pp. 95 - 124. (in Russ.).
  32. Fedorov A.V., Mikhajlov V.I. Model'noe zakonodatel'stvo o protivodejstvii nezakonnomu oborotu narkoticheskikh sredstv, psikhotropny'kh veshhestv i prekursorov dlya gosudarstv - uchastnikov SNG [Model legislation on combatting illegal turnover of narcotic means, psychotropic substances and precursors for the states - members of the CIS]. Memoirs of V.B. Bobkov St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy - Ucheny'e zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii, 1996, no. 2, pp. 232 – 236.
  33. Fedorov A.V. Harmonization and unification of legislation in the CIS. RUSSIAN LAW: theory and practice, 2008, no. 1, pp. 94 – 106.

### Уважаемые авторы журнала «Наркоконтроль»!

Постановлениями Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2013 г. № 1159 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств и психотропных веществ» и от 22 марта 2014 г. № 224 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с совершенствованием контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ» внесены изменения в постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации».

Редколлегия журнала «Наркоконтроль» ждет статей на эту тему, содержащих научное обоснование внесенных изменений.

## Спорные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 229, 229<sup>1</sup> и 230 УК РФ, совершаемых с применением насилия: теоретико-правовое исследование

*Мурашов Николай Федорович,  
доцент кафедры уголовного права и уголовного  
процесса Академии ФСБ России,  
кандидат юридических наук, доцент  
(г. Москва)*

*E-mail: murashov.28@mail.ru*

*Murashov Nikolaj Fedorovich,  
assistant professor of the Chair of Criminal Law and  
Criminal Procedure of the Academy of the Federal  
Security Service of Russia, candidate of juridical  
sciences, assistant professor  
(Moscow)*

*E-mail: murashov.28@mail.ru*

*В статье рассматривается насилие, включенное в диспозицию ст. 229, 229<sup>1</sup> и 230 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве квалифицирующего признака, и исследуются спорные вопросы квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия.*

*Ключевые слова:* насилие, виды насилия, правомерное и неправомерное насилие, физическое и психическое насилие, насилие ради насилия и насилие как средство достижения преступной или общественно полезной цели, насилие опасное и не опасное для здоровья, насилие, опасное для жизни, насилие как содержание преступного проявления и как обязательный признак объективной стороны преступления, насилие как квалифицирующий признак, оконченность преступления.

### **Controversial issues of qualification of crimes provided for by articles 229, 229<sup>1</sup> and 230 of the Criminal Code of the RF committed with application of violence: theoretical-law study**

*The article considers violence included into the disposition of articles 229, 229<sup>1</sup> and 230 of the Criminal Code of the Russian Federation as a qualifying property and studies controversial issues of qualification of crimes committed with application of violence.*

*Key words:* violence, types of violence, legitimate and illegitimate violence, physical and psychic violence, violence for violence and violence as a means of achievement of a criminal or socially useful purpose, violence dangerous and non-dangerous for health, violence dangerous for life, violence as a content of criminal manifestation and an obligatory property of objective party to a crime, violence as a qualifying property, completeness of a crime.

В Российской Федерации многие вопросы, касающиеся насилия, и в законе, и в теории не имеют однозначного решения. Достаточно сказать, что в законе до сих пор нет определения понятия насилия и его видов. В теории это понятие толкуется по-разному и достаточно противоречиво, что вызывает существенные трудности для правоприменителей, в том числе при расследовании наркопреступлений, предусмотренных ст. 229, 229<sup>1</sup> и 230 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ).

Представляется, что для рассмотрения спорных вопросов квалификации преступлений, предусмотренных ст. 229, 229<sup>1</sup> и 230 УК РФ, совершаемых с применением насилия, прежде всего необходимо обозначить понимание «исходных позиций». Таковыми являются понятие насилия, виды насилия, понятие квалифицирующего признака. Автор придерживается позиции, согласно которой под насилием понимается умышленное физическое и (или) психическое воздействие одного человека (нескольких лиц) на другого

человека (на нескольких лиц) для достижения определенной, как правило нежелательной для потерпевшего (потерпевших), цели.

Насилие может быть как противоправным, так и правомерным<sup>1</sup>.

По виду в уголовном праве России насилие делится на физическое и психическое<sup>2</sup>.

По цели применения лицом насилия оно бывает двух видов: насилие «ради насилия» и насилие как средство достижения преступной или общественно полезной цели. В первом случае насилие проявляется в причинении потерпевшему боли, мучений, того или иного вреда здоровью и даже в лишении жизни.

<sup>1</sup> Подробнее об этом см.: Михайлов В.И. Правомерный вред в уголовном законодательстве и правовой доктрине. СПб., 2011.

<sup>2</sup> Эта позиция разделяется не всеми. Так, профессором Л.Д. Гаухманом высказана точка зрения, что «в законе под термином «насилие» подразумевается только физическое насилие». См.: Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 75.

Таковы преступления, предусмотренные статьями главы 16 УК РФ (убийство, умышленное причинение того или иного вреда здоровью, побои, истязание). Здесь в насилии проявляется сущность совершаемого преступления. Во втором случае насилие представляет собой средство, способствующее достижению преступной цели. В ст. 229, 229<sup>1</sup> и 230 УК РФ имеется в виду насилие второго вида.

По степени общественной опасности насилие бывает не опасным для здоровья, опасным для здоровья и опасным для жизни.

По закрепленности в статьях Особенной части УК РФ насилие выражает или содержание преступного проявления, например, убийство — ч. 1 и ч. 2 ст. 105 УК РФ, или обязательный признак объективной стороны основного состава (например, применение насилия против представителя власти — ч. 1 ст. 318 УК РФ), или квалифицирующий признак, повышающий общественную опасность преступления (имеется только в статьях Особенной части УК РФ, состоящих из двух и более частей), например, склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов — п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ.

Насилие в качестве обязательного признака объективной стороны основного состава играет роль средства достижения «собственной» цели преступника (не путать с целью преступления, являющейся признаком субъективной стороны соответствующего содеянного). Такой признак влияет на квалификацию содеянного. В качестве примера можно привести составы преступлений, предусмотренных ст. 120, 131, 132, 162, 227 УК РФ. В главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» УК РФ такого примера нет. В этой главе насилие представлено только в качестве квалифицирующего признака.

В уголовном праве России квалифицирующим признается такой признак состава, который изменяет квалификацию по сравнению с основным составом. В равной степени к квалифицирующим относятся признаки, которые повышают или снижают степень общественной опасности содеянного. В теории и на практике составы, в которых новый признак повышает общественную опасность преступления, принято называть квалифицированными составами, а в которых понижает, — привилегированными.

Насилие в качестве квалифицирующего признака обозначено более чем в пятидесяти статьях Особенной части УК РФ. В некоторых статьях о насилии говорится в двух и более частях этих статей (с учетом степени общественной опасности насилия — ч. 3 и ч. 4 ст. 226, ч. 2 и ч. 3 ст. 229 УК РФ).

В статьях Особенной части УК РФ насилие в качестве квалифицирующего признака в диспозициях квалифицированных составов обозначается далеко

не однозначно. Это важно уяснить для анализа вариантов признаков насилия, содержащихся в ст. 229, 229<sup>1</sup>, 230 и ряде других статей УК РФ.

Так, в п. «в» ч. 2 ст. 163, п. «б» ч. 2 ст. 179, п. «б» ч. 2 ст. 226<sup>1</sup>, п. «в» ч. 4 ст. 229<sup>1</sup>, п. «б» ч. 2 ст. 283<sup>1</sup>, ч. 2 ст. 302 УК РФ рассматриваемый квалифицирующий признак определен одним словом — «насилие» (без каких-либо добавлений или пояснений).

В п. «е» ч. 2 ст. 127<sup>1</sup>, п. «г» ч. 2 ст. 127<sup>2</sup>, ч. 2 ст. 139, п. «а» ч. 2 ст. 141, п. «г» ч. 2 ст. 230, п. «а» ч. 2 ст. 240, п. «б» ч. 2 ст. 241, п. «в» ч. 2 ст. 244, п. «а» ч. 3 ст. 286, ч. 3 ст. 323, ч. 2 ст. 330 УК РФ представлены два «равнозначных» квалифицирующих признака — «насилие» и «угроза применения насилия» (в диспозиции — через союз «или»). В теории и на практике угроза применить насилие нередко необоснованно отождествляется с насилием (такую угрозу считают психическим насилием).

В ч. 3 ст. 296 и ч. 3 ст. 309 УК РФ квалифицирующим признаком названо насилие, не опасное для жизни или здоровья. Представляется, что слово «жизни» здесь и в других подобных определениях степени насилия применено излишне (если насилие не опасно для здоровья, оно тем более не опасно для жизни).

В п. «г» ч. 2 ст. 161, п. «в» ч. 2 ст. 166, п. «г» ч. 2 ст. 221, п. «г» ч. 3 ст. 226, п. «г» ч. 2 ст. 229, ч. 3 ст. 296 УК РФ квалифицирующими признаками определены насилие, не опасное для жизни или здоровья, и угроза применить такое насилие (в диспозиции — через союз «или»).

В п. «в» ч. 2 ст. 127, п. «в» ч. 2 ст. 206, ч. 4 ст. 296, ч. 4 ст. 309, ч. 2 ст. 318, ч. 3 ст. 321 УК РФ квалифицирующим признаком значится насилие, опасное для жизни или здоровья, без разъяснений и дополнений.

В п. «в» ч. 2 ст. 126, ч. 4 ст. 166, п. «б» ч. 3 ст. 221, п. «б» ч. 4 ст. 226, п. «в» ч. 3 ст. 229, ч. 3 ст. 313 УК РФ альтернативными квалифицирующими признаками представлены насилие, опасное для жизни или здоровья, и угроза применить такое насилие.

В п. «б» ч. 2 ст. 333, п. «б» ч. 2 ст. 334 и п. «г» ч. 2 ст. 335 УК РФ квалифицирующим признаком значится применение оружия (надо полагать, любого). В п. «г» ч. 2 ст. 126, п. «г» ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 162, п. «г» ч. 2 ст. 206, п. «г» ч. 2 ст. 211, ч. 2 ст. 227, ч. 3 ст. 313 альтернативными квалифицирующими признаками значатся применение оружия и применение предметов, используемых в качестве оружия.

В статьях главы 25 УК РФ применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, в качестве обязательных признаков составов не значится. Но их применение, а равно использование возможно при совершении преступления, предусмотренного ст. 229 УК РФ (при хищении наркотических средств путем разбойного нападения).

Правоприменитель должен знать, как квалифицировать действия преступника, применившего или использовавшего оружие при совершении насиль-



ственного хищения наркотиков (в статьях Особенной части УК РФ законодатель не отождествляет понятия «применение» и «использование» оружия). Нельзя также исключить возможность применения оружия и при совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 229<sup>1</sup> УК РФ.

В большинстве теоретических работ, да и в правоприменительной деятельности использование оружия в преступных целях юридически уравнивается с его применением, хотя это далеко не одно и то же. Кратко можно определить применение оружия как использование его поражающих свойств по прямому назначению, т.е. для поражения определенной цели<sup>3</sup>. Использование оружия для устрашения поглощается понятием угрозы применить насилие. Однако в теории и на практике нередко угрозу (устрашение) оружием рассматривают как насилие, опасное для жизни. В действительности — это угроза применить такое насилие, а не само насилие.

Если во время совершения хищения наркотических средств и (или) психотропных веществ преступником было применено или использовано оружие, при расследовании и разрешении уголовного дела надлежит руководствоваться положениями, содержащимися в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»<sup>4</sup> (далее по тексту — Постановление Пленума от 27 января 2002 г. № 29).

Хотя текстуально в этом пункте речь идет о квалификации преступных действий с применением и использованием оружия при разбое, установки Пленума в равной степени применимы к ситуациям применения оружия и при совершении других насильственных преступлений. А в ст. 229 УК РФ есть признаки, указывающие на то, что хищение наркотиков может совершаться способом, идентичным разбою (с применением насилия, опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия).

Как уже было отмечено, уголовное право России признает и физическое, и психическое насилие. В тех случаях, когда в соответствующей статье УК РФ используется термин «насилие», имеется в виду возможность применения виновным физического и (или) психического насилия. Если в ту или иную статью Особенной части в качестве юридически равнозначных квалифицирующих признаков в одну диспозицию включены «насилие» и «угроза применения насилия», а виновный для успешного совершения преступления использовал только угрозу применить насилие, его никак нельзя обвинять в применении насилия. При этом не имеет значения, намеревался ли он применять на-

силие или нет. Для правоприменения нужны факты, а не намерения.

Сказанное подкрепляет мысль о необходимости при расследовании и разрешении уголовного дела четко устанавливать вид примененного насилия, а равно вид вреда, причинением которого угрожает виновный.

Определенное значение для практики применения законодательных положений о насилии имеет разграничение видов насилия. В УК РФ текстуально представлены не три, а четыре вида насилия: 1) не опасное для здоровья, 2) не опасное для жизни, 3) опасное для здоровья и 4) опасное для жизни.

В законе эти виды, можно сказать, объединены в две группы: 1) насилие, не опасное для жизни или здоровья, и 2) насилие, опасное для жизни или здоровья.

В теории и на практике каждая из двух групп практически «фигурирует» не разделенной на виды, из которых она состоит.

Нередко в учебниках, комментариях к УК РФ, в материалах уголовных дел и т.д. вместо разделительного союза «или» используется соединительный союз «и». О наличии в законе четырех видов насилия дает основание утверждать именно разделительный союз «или».

В действительности, как уже говорилось, существуют три вида: не опасное для здоровья, опасное для здоровья и опасное для жизни. Упоминание в законе о насилии, не опасном для жизни, излишне (повторим, если насилие не опасно для здоровья, оно тем более не опасно для жизни).

При прочих равных условиях наиболее общественно опасным насилием является насилие, опасное для жизни. Насилие, опасное для жизни, отдельно от насилия, опасного для здоровья, упоминается в части первой ст. 37 УК РФ. Это очень важное положение для определения правомерности необходимой обороны от общественно опасного посягательства. Только при нападении (посягательстве), сопряженном с насилием, опасным для жизни лица, подвергшегося посягательству, можно безбоязненно обороняться с причинением любого вреда посягающему. Данное положение важно знать лицам, которые могут подвергнуться насилию со стороны похитителей наркотиков и наркоконтрабандистов.

Для определения вида насилия, повлекшего причинение вреда здоровью человека, следует обращаться к Правилам определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522<sup>5</sup>, и приложению «Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»

<sup>3</sup> См.: ст. 24 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 51. Ст. 5681.

<sup>4</sup> См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2; 2007. № 5; 2011. № 2.

<sup>5</sup> См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 35. Ст. 4308; 2011. № 14. Ст. 1931, № 47. Ст. 6664.

к приказу Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194 н<sup>6</sup>.

Так, в п. 6–6.2.10 указанного приложения перечислены виды вреда, опасного для жизни человека, в п. 6.3–6.12 определены последствия, оцениваемые как тяжкий вред здоровью человека, в п. 7–7.2 — последствия, оцениваемые как вред средней тяжести, в п. 8–8.2 — последствия, оцениваемые как легкий вред. В п. 9 перечислены повреждения, не причинившие вреда здоровью человека.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 21 Постановления Пленума от 27 января 2002 г. № 29 (данное постановление необходимо применять при расследовании и разрешении дел, квалифицируемых по ст. 229, 229<sup>1</sup>, 230 УК РФ) разъяснил свое понимание видов насилия. Названные в данном постановлении признаки видов насилия в равной мере относятся и к другим преступлениям, в составах которых предусмотрен тот или иной вид насилия, включая и преступления, входящие в главу 25 УК РФ. То же можно сказать о соответствующих положениях о насилии, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»<sup>7</sup> с последующими изменениями<sup>8</sup> (далее по тексту — Постановление Пленума от 15 июня 2006 г. № 14).

К насилию, не опасному для жизни или здоровья, в Постановлении Пленума от 27 января 2002 г. № 29 относятся побои и иные насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему физической боли, а также иные насильственные действия, ограничивающие его свободу (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.). Сюда же следует отнести причинение легкого вреда здоровью, а равно применение пытки, не повлекшее кратковременного расстройства здоровья и (или) незначительной стойкой утраты трудоспособности. Именно такое насилие имеется в виду в п. «г» ч. 2 ст. 229 УК РФ.

Насилием, опасным для жизни или здоровья, Пленум Верховного Суда Российской Федерации признает «такое насилие, которое повлекло причинение

тяжкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также причинение легкого вреда здоровью или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности». О таком насилии говорится в п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ.

Здесь же Пленум указал, что к насилию, опасному для жизни или здоровья, относится насилие, которое хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья. Таковы попытки удушения, утопления и т.п. действия.

На основе приведенных некоторых общих положений, характеризующих насилие в УК РФ, рассмотрим квалифицирующие насильственные признаки, включенные в составы преступлений, предусмотренных ст. 229, 229<sup>1</sup> и 230 УК РФ.

В ст. 229 УК РФ предусмотрена ответственность за хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также других предметов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Хищение может быть совершено в любой форме. Характеристика форм хищения раскрывается в ст. 158–162 УК РФ, а вымогательство — в ст. 163 УК РФ. Конкретные признаки составов преступлений, предусмотренных этими статьями, имеют определенное сходство с признаками составов преступлений, предусмотренных ст. 229 УК РФ.

Так, в п. «г» ч. 2 ст. 229 УК РФ установлена ответственность за хищение и вымогательство наркотиков, совершенных с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого же насилия. Данный насильственный квалифицирующий признак полностью совпадает с признаком, предусмотренным п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

При таком виде насилия вред здоровью не причиняется вообще, а если и причиняется определенный вред, он не вызывает кратковременного расстройства здоровья (временной нетрудоспособности) или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности (менее 10 процентов). Такое насилие может причинить повреждения в виде ссадин, кровоподтеков, гематом, незначительных поверхностных ран и ушибов и т.п. Но может и не причинить никаких повреждений (связывание рук и ног, применение наручников, прикрепление к неподвижным объектам, запираение в помещении и т.д.). К данному насилию в п. «г» ч. 2 ст. 229 УК РФ приравнивается угроза применить такое же насилие, которую во многих источниках признают психическим насилием, что не соответствует закону.

Угроза применить насилие — самостоятельный альтернативный квалифицирующий признак данного состава преступления. Она может быть доведена до сознания потерпевшего устно, определенными жестами. Как уже говорилось, если для облегчения хищения

<sup>6</sup> См.: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. 05.09.2008; 16.03.2012.

<sup>7</sup> Подробнее об этом постановлении см.: Федоров А. В. Значение постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» для правоприменительной практики и совершенствования законодательства // Наркоконтроль. 2006. № 3. С. 15–19.

<sup>8</sup> См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8; 2011. № 2.

наркотиков использовалась только угроза, виновного нельзя обвинять в применении насилия. При прочих равных условиях хищение наркотиков, сопряженное с насилием, более общественно опасно по сравнению с хищением, сопряженным с угрозой, что может быть учтено судом при назначении наказания.

За хищение наркотиков с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, наказание в виде лишения свободы «возрастает» на три года (в ч. 1 — лишение свободы до 7 лет, в ч. 2 — до 10 лет). Следует иметь в виду, что хищение наркотиков путем рывка не признается насильственным хищением.

В п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ предусмотрена ответственность за хищение или вымогательство наркотиков с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, а равно с угрозой применения такого же насилия. В теории и на практике «рамки» такого насилия принято определять через посредство вреда, причиняемого таким насилием, без подразделения на насилие, опасное для жизни, и на насилие, опасное для здоровья.

В п. 21 Постановления от 27 января 2002 г. № 29 в равной степени значатся такие последствия, как легкий вред здоровью, вызвавший кратковременное расстройство здоровья (нетрудоспособность в пределах трех недель) или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности (менее 10 процентов), вред здоровью средней тяжести и тяжкий вред здоровью.

К насилию, опасному для жизни или здоровья, как уже упоминалось, Пленум отнес насилие, «которое хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья». Если практически вопрос об ответственности за беспоследственное насилие, опасное для жизни (когда смерть не наступила), разрешается без особых трудностей (в силу очевидной опасности для жизни использованных средств и приемов), с оценкой беспоследственного насилия, опасного для здоровья, не так все просто. Нередко преступления, квалифицированные как «разбой с применением насилия, опасного для жизни или здоровья» (если опасности для жизни не было), вышестоящими судебными инстанциями переквалифицируются на насильственный грабеж.

Угроза насилием, опасным для жизни или здоровья, должна признаваться квалифицирующим признаком по п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ в случаях, когда она по содержанию носила определенный характер, свидетельствующий о возможности причинить вред здоровью или лишить потерпевшего жизни.

Это могут быть слова типа «убью», «зарезу», «удушу», «утоплю», «выколю глаза» и т.п.; устрашение оружием или предметами, используемыми в качестве оружия, включая производство выстрелов не на поражение, размахивание гранатой и т.п.

Как уже говорилось, в теории и на практике нередко угрозу оружием признают психическим насилием, что не соответствует закону. Угроза воспринимается сознанием потерпевшего как опасность возможного причинения вреда его организму или психике. При этом он решает, подчиниться требованиям преступника или нет. Общеизвестна установка оказавшимся во власти террористов — беспрекословно подчиняться. Так же следует поступать и лицам, оказавшимся во власти вооруженных бандитов и разбойников. Такое поведение потерпевших во многих случаях позволяет избежать применения к ним насилия.

Если угрозу признавать насилием, будет другая оценка общественной опасности содеянного при той же квалификации. На наш взгляд, усматривается в таком разрешении проблемы угрозы применить насилие нарушение принципа справедливости (см. ч. 1 ст. 6 УК РФ). А если в составе преступления угроза как квалифицирующий признак отсутствует (есть просто насилие), а преступник угрозу высказал, осуждение его за насилие будет свидетельствовать и о неправильной квалификации, что влечет применение более строгого наказания по сравнению с наказанием в основном составе.

Анализ п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ дает основание рассмотреть и некоторые другие не менее важные проблемы квалификации хищения наркотических средств и психотропных веществ.

В ст. 162 УК РФ, предусматривающей ответственность за разбой, насилие, опасное для жизни или здоровья потерпевшего, а равно угроза применить такое же насилие являются альтернативными признаками основного состава, а в ст. 229 УК РФ такие насилие и угроза — признаки особо квалифицированного состава.

В ч. 2 ст. 162 УК РФ предусмотрена ответственность за разбой с применением оружия, а в ст. 229 УК РФ такого квалифицирующего признака нет, хотя правоприменители могут столкнуться с проблемой применения оружия при хищении наркотиков.

В п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ есть особо квалифицирующий насильственный признак — причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Подобного признака в ст. 229 УК РФ нет, но на практике можно столкнуться и с такой ситуацией.

В ст. 163 УК РФ угроза насилием (без определения вида насилия) входит в качестве альтернативного признака объективной стороны основного состава (лишение свободы до 4 лет). В п. «в» ч. 2 данной статьи насилие играет роль квалифицирующего признака (лишение свободы до 7 лет). В п. «в» ч. 3 этой же статьи насилие представлено в виде причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего (особо квалифицированный состав — лишение свободы до 15 лет).

Насилие в ст. 163 УК РФ по обозначению видов и по месту расположения совсем не совпадает с наси-

лием, обозначенным в ст. 229 УК РФ, хотя в этой статье по сути то же насилие и та же угроза.

По проявлению вымогательство наркотиков может ничем не отличаться от вымогательства, предусмотренного ст. 163 УК РФ, кроме предмета преступления. Таким образом, можно отметить, что в ст. 163 УК РФ содержится общая норма, а в ст. 229 УК РФ — специальная.

Если вопрос об оконченности вымогательства в обоих преступлениях решается одинаково (с момента предъявления требования...), то решение вопросов, касающихся применения насилия, когда преступник вымогал у одного и того же лица и наркотики, и другое имущество, может вызвать затруднения.

Здесь имеет место «классическая» идеальная совокупность (см. ч. 2 ст. 17 УК РФ), и квалифицировать каждое преступление нужно по «своей» статье Особенной части УК РФ (с учетом предмета преступления). Но это только для вымогательства без насилия. Если при вымогательстве было применено насилие (с последствиями или без последствий), возникнет опасность привлечения виновного к ответственности дважды фактически за одно последствие, что запрещено ч. 2 ст. 6 УК РФ (одним действием к одному потерпевшему применено одно насилие). Еще сложнее будет в случае, когда результатом насилия будет тяжкий вред здоровью с причинением смерти потерпевшего по неосторожности. Если добросовестно следовать установкам постановлений Пленума от 27 января 2002 г. № 29 и от 15 июня 2006 г. № 14, виновный за тяжкий вред здоровью со смертельным исходом по неосторожности будет наказан четырежды за одно (единственное) действие.

Определенный интерес вызывает проблема определения пределов насилия, опасного для жизни или здоровья, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ, с учетом реальных последствий такого насилия.

Как уже было отмечено, за насилие, опасное для жизни или здоровья, при совершении разбоя виновный подлежит ответственности по ч. 1 ст. 162 УК РФ (максимальное наказание в виде лишения свободы — 8 лет). В соответствии с указанной санкцией ч. 1 ст. 162 УК РФ полностью поглощается причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) и вреда средней тяжести (ст. 112 УК РФ). За причинение тяжкого вреда ответственность наступает по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ (максимальное лишение свободы — 15 лет). Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 21 Постановления Пленума от 27 января 2002 г. № 29 указал, что «если в ходе разбойного нападения с целью завладения чужим имуществом потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, что повлекло наступление его смерти по неосторожности, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений — по п. «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ». Из этого следует, что, по мнению

Пленума, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ поглощаются не все составы, включенные в ст. 111 УК РФ, хотя в диспозиции п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ такого исключения нет.

По п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ (лишение свободы до 7 лет), в котором пределы насилия не обозначены, подлежит ответственности лицо, причинившее легкий вред здоровью (ст. 115 УК РФ) или вред здоровью средней тяжести (ст. 112 УК РФ). Причинение тяжкого вреда здоровью карается по п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ (лишение свободы от 7 до 15 лет).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 12 постановления от 4 мая 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве»<sup>9</sup> указал: «Если вымогательство совершено с причинением тяжких телесных повреждений, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 148 УК РСФСР (п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ) и соответствующей частью ст. 108 УК РСФСР (соответствующей частью ст. 111 УК РФ). Такая установка соответствовала положениям ст. 40 действовавшего в то время УК РСФСР.

В настоящее время эта установка не может применяться. Поэтому причинение при вымогательстве тяжкого вреда здоровью полностью охватывается п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ и не требует дополнительного применения ст. 111 УК РФ.

Теперь сопоставим рассмотренные позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно решения насильственных проявлений при разбое (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ) и вымогательстве (п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ) с насильственными проявлениями при хищении с признаками разбоя и вымогательстве наркотиков (п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ).

В п. 26 Постановления Пленума от 15 июня 2006 г. № 14 говорится: «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, полностью охватывается диспозицией п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ и дополнительной квалификацией по ч. 1 ст. 162 или ст. 163 УК РФ не требует». Однако в следственно-судебной практике еще имеют место факты отступления от данной установки. Приведем извлечение из надзорного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2008 г. № 8-Д07-17 по делу Ш.<sup>10</sup>

4 февраля 2005 г. Ш. с группой лиц по предварительному сговору, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, похитил у Ж. наркотическое средство и одновременно в отношении этого

<sup>9</sup> См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. 1961–1993. М.: Юридическая литература, 1994; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 1.

<sup>10</sup> Определение размещено в системе «КонсультантПлюс».

потерпевшего совершил разбой с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья.

5 февраля 2005 г. Ш. с группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, покушался на хищение наркотического средства в крупном размере и одновременно совершил разбой с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего Ж.

По приговору суда (с учетом внесенных изменений) Ш. осужден по п. «в» ч. 3 ст. 229, ч. 3 ст. 30, п. «б», «в» ч. 3 ст. 229, ч. 1 ст. 162, ч. 3 ст. 162 УК РФ (в ред. от 8 декабря 2003 г.).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила указанные судебные решения, исключив указание на осуждение Ш. по ч. 1 и 3 ст. 162 УК РФ (в ред. от 8 декабря 2003 г.) и указав, в частности, что, согласно п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, совершенных с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, полностью охватывается диспозицией п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ и дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 162 или ст. 163 УК РФ не требует.

Исходя из того, что Пленум в данном случае выступил против дополнительной квалификации насильственных хищения и вымогательства наркотиков по ч. 1 ст. 162 УК РФ, можно утверждать, что, по взглядам Пленума, понятием насилия, опасного для жизни или здоровья, охватывается только причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью потерпевшего.

В ч. 2 п. 26 Постановления Пленума от 15 июня 2006 г. № 14 говорится: «В тех случаях, когда указанные действия совершены с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ и ст. 111 УК РФ».

Получается, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в разных постановлениях различно толкует пределы насилия, опасного для жизни и здоровья.

Так, в Постановлении Пленума от 27 января 2002 г. № 29, а также в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»<sup>11</sup> разъясняется, что под насилием, опасным

для жизни или здоровья, либо угрозой применения такого насилия следует понимать умышленные действия, повлекшие причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а также легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности и угрозу совершения перечисленных действий. То есть тяжкий вред здоровью «вписывается» в содержание вреда, опасного для жизни или здоровья.

В то же время в Постановлении Пленума от 15 июня 2006 г. № 14 Пленум из содержания означенного вида вреда здоровью тяжкий вред вывел без объяснения причин, чем существенно изменил квалификацию преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ.

Возникает вопрос, почему Пленум решил, что причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего при хищении чужого имущества путем разбоя должно квалифицироваться по ст. 162 УК, а при таком же хищении наркотиков должно квалифицироваться по совокупности ст. 229 и 111 УК РФ. Санкции по строгости в ст. 162 и 229 УК РФ практически совпадают (в обеих статьях лишение свободы от 8 до 15 лет). Отсутствие в диспозиции ст. 229 УК РФ упоминания о тяжком вреде не означает, что такой вред как признак не входит в данный состав. Он входит, потому что в п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ говорится о насилии, опасном для жизни потерпевшего.

В УК РФ есть составы насильственных преступлений, в которых в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака значится просто «насилие». Например, в п. «в» ч. 4 ст. 229<sup>1</sup> УК РФ квалифицирующий признак обозначен как «насилие» (пределы насилия никак не обозначены). По ч. 1 данной статьи предусмотрено наказание в виде лишения свободы от 3 до 7 лет, а по ч. 4 — лишение свободы от 15 до 20 лет. Представляется, что «насилие» в п. «в» ч. 4 ст. 229<sup>1</sup> УК РФ охватывает любой вред здоровью, кроме убийства (здесь, бесспорно, имеет место совокупность преступлений). В УК РФ есть и другие подобные примеры.

В науке уголовного права России нет достаточно разработанной концепции теории насилия, а в Уголовном кодексе нет определенной системы, которая позволяла бы применять положения закона о насилии с учетом принципа справедливости. В настоящее время, как представляется, решать вопрос о квалификации деяний, в составе которых насилие значится в качестве квалифицирующего признака, надлежит с учетом сравнения санкций. Если санкция в статье (части статьи) строже, чем в статье, предусматривающей ответственность за причинение конкретного вреда здоровью потерпевшего (ст. 111, 112, 115 УК РФ), при любом вреде, наступившем вследствие применения насилия, вопрос о квалификации содеянного по сово-

<sup>11</sup> См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 2; 2011. № 2.

купности с другой статьей, предусматривающей ответственность за такой же вред здоровью, отпадает. Считаю, что в ст. 17 УК РФ должна появиться новая часть, в которой бы содержалась норма, регулирующая подобные ситуации. Это позволило бы изжить пока еще сохраняющуюся тенденцию двойной ответственности за одно и то же деяние (см. ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Определенные сомнения вызывает формула, рекомендованная Пленумом Верховного Суда Российской Федерации для квалификации хищения или вымогательства наркотиков, сопряженного с причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего: «п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ плюс соответствующая часть ст. 111 УК РФ». Виновный совершил оконченное хищение наркотиков, применив насилие с указанными последствиями. Насилие выразилось в умышленно причиненном тяжком вреде со смертельным исходом. Для уголовного дела это единый (неделимый) факт. Имело место насилие как средство успешного совершения хищения, что предусмотрено в п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ, а не насилие ради насилия, присущее преступлению, предусмотренному ст. 111 УК РФ.

Квалификация действий виновного по п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ означает вменение ему факта того насилия, которое он совершил. За это суд вправе назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет (дополнительно возможен штраф и ограничение свободы).

Предлагаемая Пленумом дополнительная квалификация единого насильственного акта по ст. 111 УК РФ (разумеется, по ч. 4) означает возможность назначить этому же лицу за тот же насильственный акт наказание в виде лишения свободы на тот же срок (до 15 лет), а по совокупности — 22,5 года лишения свободы. В наказании по рассмотренной формуле четко просматривается отступление от конституционного принципа справедливости, закрепленного в ч. 2 ст. 6 УК РФ («Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление»). Подобные отступления от принципа справедливости наблюдаются не только по делам, связанным с наркотиками, но это за пределами предмета настоящей статьи. Мое мнение по рассматриваемой ситуации — лицо, причинившее при хищении или вымогательстве наркотиков тяжкий вред здоровью потерпевшего, предусмотренный любой частью ст. 111 УК РФ, подлежит ответственности только по п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ.

Ряд исследователей рассматриваемой ситуации считают, что при причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшем его смерть по неосторожности, при совершении таких насильственных преступлений, как разбой, вымогательство, хищение оружия, хищение и вымогательство наркотиков должно по совокупности с основным преступлением дополни-

тельно квалифицироваться по ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку наступление смерти потерпевшего не включено в признаки составов этих преступлений. Действительно, в составах перечисленных преступлений текстуально смерть по неосторожности не обозначена (такое обозначение есть в п. «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ, что будет рассмотрено в «своем месте»). Но в составах этих преступлений есть квалифицирующий признак — тяжкий вред здоровью. Ответственность за тяжкий вред здоровью предусмотрена в ст. 111 УК РФ. Часть четвертая в ст. 111 УК РФ — это тоже тяжкий вред здоровью. И наказание в виде лишения свободы на срок до 15 лет назначено за счет присоединения к ст. 111 УК РФ преступления, предусмотренного ст. 109 УК РФ. Это единое составное преступление, имеющее в законе название: «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью». Применительно к теме данной статьи повторюсь — санкция ч. 3 ст. 229 УК РФ строже санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ. Поэтому тяжкий вред здоровью потерпевшего в любом варианте (от ч. 1 до ч. 4 ст. 111 УК РФ) поглощается п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ.

Проблемным является вопрос об окончательности хищения наркотических средств и психотропных веществ с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего.

В теории распространенным является утверждение, что такое хищение является окончательным с момента применения названного насилия или с момента угрозы применить такое насилие<sup>12</sup>.

Такой взгляд на окончательность данного преступления имел некоторые основания, потому что подобное утверждалось в постановлениях Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда Российской Федерации от 26 сентября 1975 г. № 7, от 24 декабря 1987 г. № 12 и от 27 апреля 1993 г. № 2 по делам о наркотиках<sup>13</sup>.

Но в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 9 и от 15 июня 2006 г. № 14 о наркотиках<sup>14</sup> уже не затрагивается вопрос об окончательности хищения наркотиков с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего. Если Пленум Верховного Суда Российской Федерации изменил свою позицию об окончательности рассматриваемого преступления, логичным было бы сообщить об этом судам, да и не только су-

<sup>12</sup> См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Чучаева. М., 2012. С. 229; Уголовное право. Особенная часть : учебник / отв. ред. И.В. Шишко. М., 2012. С. 469; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 10-е изд. М., 2010. С. 575; Уголовное право. Особенная часть : учебник / отв. ред. И.Я. Казаченко, Г.П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. М., 2008. С. 579 и др. источники.

<sup>13</sup> См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1975. № 6, 1988. № 1; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1993. № 7.

<sup>14</sup> См.: Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 7. 2006. № 8.

дам. В ч. 1 ст. 229 УК РФ речь идет не о разбое, как в ч. 1 ст. 162 УК РФ, а о хищении с признаками разбоя.

Отсчет времени изменения позиции Пленума можно вести с 27 мая 1998 г., т.е. с момента принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 г. № 9 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». Велика сила инерции в науке и на практике. Судебная практика, руководствуясь представленными здесь авторитетными источниками, изданными после принятия постановления от 15 июня 2006 г. № 14, не скоро освободится от десятилетиями существовавшей ошибочной позиции.

Вопрос об окончательности хищения касается не только ст. 229 УК РФ. В примечании 1 к ст. 158 УК РФ хищение определяется как совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества, причинившее ущерб собственнику или другому владельцу этого имущества. Такое понятие хищения распространяется на все статьи УК РФ, в которых говорится о хищении. Следовательно, окончательным хищение, совершенное любым способом (в любой форме), будет с момента незаконного изъятия предмета хищения (с момента лишения собственника, владельца или пользователя возможности обладать похищенным имуществом).

Заметим, что в законодательном определении понятия хищения отсутствует распространенный в теории и бесприказно принятый практикой такой признак, как наличие у виновного возможности распоряжаться похищенным имуществом как своим собственным. Например, в п. 6 уже упоминавшегося постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» говорится: «Кража и грабеж считаются окончательными, если имущество изъято и виновный имел реальную возможность им пользоваться или распорядиться по своему усмотрению». Признание приведенной установки признаком окончательного хищения не основано на законе. Получается, что имущество преступным образом изъято, собственник лишен возможности пользоваться принадлежащим ему имуществом, материальный ущерб ему причинен, а налицо пока еще только покушение на хищение.

Впервые данный признак появился в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества»<sup>15</sup> (постановление действующее). В п. 10 этого постановления было указано: «Хищение следует считать окончательным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распорядиться по своему

усмотрению или пользоваться им». Данная установка, не имеющая основания в уголовном законе, бесприказно была воспринята теорией (имеются в виду учебники, комментарии к уголовным кодексам и другие источники), и ею руководствовались и руководствуются до сего времени правоприменители.

Заметим, что менее чем за год до принятия Пленумом Верховного Суда СССР указанного постановления от 11 июля 1972 г. № 4 в Комментариях к УК РСФСР, подготовленном коллективом авторов в составе докторов юридических наук Г.З. Анашкина, И.М. Гальперина, Н.И. Загородникова, И.И. Карпеца, Б.С. Никифорова, А.Б. Сахарова, Н.А. Стручкова и некоторых других видных ученых-правоведов, были детально рассмотрены признаки окончательного хищения.

По мнению комментаторов, «хищение окончено, как правило, в момент незаконного изъятия имущества из государственного или общественных фондов, т.е. в момент перехода имущества из владения социалистической организации или отдельного лица в неправомерное владение виновного (кража, грабеж, мошенничество, злоупотребление служебным положением) или из правомерного владения лица в его неправомерное владение в результате удержания или израсходования имущества (присвоение, растрата).

Для признания хищения окончательным не требуется, чтобы виновный увез или унес похищенное с места совершения преступления, имел возможность извлечь из него пользу, т.е. воспользоваться им самому, продать или передать другим лицам. Важно установить тот момент, когда собственник имущества лишился навсегда или на время (каким бы кратким это время ни было) возможности распоряжаться этим имуществом, так как в силу действий виновного оно оказалось в его распоряжении. Не требуется при этом, чтобы виновный приобрел уже фактическую возможность распоряжаться похищенным имуществом как собственным»<sup>16</sup>.

Фактически Пленум принял критикуемую установку не без указания из «инстанций» в период активизации борьбы с «несунами», осуществлявшими хищение государственного и общественного имущества с «плохо» охраняемых территорий. По мнению авторов поправки к законному понятию хищения, до выхода с охраняемой территории с похищенным лицом «находится» в стадии покушения на хищение, в связи с чем «плохих» охранников можно привлекать к уголовной ответственности в качестве пособников. В связи с тем, что давно и охраняемые в советское время территории с материальными ценностями, и проходные пункты, и плохие охранники канули в Лету, на мой взгляд, из п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного

<sup>15</sup> См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977. Ч. 2. М.: «Известия», 1978.

<sup>16</sup> См.: Комментарий к УК РСФСР. Коллектив авторов. М.: «Юридическая литература», 1971. С. 200.

имущества» критикуемую установку безболезненно для борьбы с хищениями можно исключить.

В ст. 229<sup>1</sup> УК РФ квалифицирующий признак «насилия» включен в п. «в» ч. 4 без указания на пределы насилия и на возможность угрозы применить насилие. Это означает, что насилие может быть не опасным для здоровья, опасным для здоровья и даже опасным для жизни. В качестве последствий, охватываемых п. «в» ч. 4 ст. 229<sup>1</sup> УК РФ, может быть легкий вред, вред средней тяжести и тяжкий вред здоровью, включая бесспорно и ч. 4 ст. 111 УК РФ (тяжкий вред, повлекший причинение смерти по неосторожности). Наказание по ч. 4 данной статьи в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет.

Действия контрабандиста, не применявшего насилие к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, а сопровождавшиеся лишь высказыванием угрозы применить любое насилие, должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 229<sup>1</sup> УК РФ, если в содеянном отсутствуют какие-либо квалифицирующие признаки. Лишение свободы по ч. 1 ст. 229<sup>1</sup> УК РФ может быть назначено на срок от 3 до 7 лет.

Обращает на себя внимание большой разрыв между возможным максимальным наказанием за деяние с насилием (20 лет лишения свободы) и с угрозой (7 лет лишения свободы). Разница — 12 лет. Для сравнения, в п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ при хищении наркотиков с применением насилия и с угрозой применить насилие предусмотрено одинаковое максимальное наказание в виде лишения свободы — 15 лет. Данный пример еще раз подтверждает, что уголовное законодательство нуждается в хорошо разработанной теории применения насилия в интересах борьбы с насильственной преступностью.

В п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ предусмотрена ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов с применением насилия или с угрозой применения насилия. Вид и пределы насилия (по последствиям) не обозначены. С учетом санкции ч. 2 ст. 230 УК РФ (лишение свободы на срок от 5 до 10 лет), можно утверждать, что насилие может быть не опасным для здоровья, опасным для здоровья и опасным для жизни без смертельного исхода. Без дополнительной квалификации по ст. 112 и 111 УК РФ по данному пункту надлежит наказывать за склонение к потреблению наркотиков с причинением потерпевшему вреда здоровью средней тяжести, также тяжкого вреда, предусмотренного ч. 1 и 2 ст. 111 УК РФ (санкция в ч. 2 ст. 230 УК РФ более строгая по сравнению с санкцией в ч. 2 ст. 111 УК РФ).

По мнению профессора А.И. Чучаева, при причинении тяжкого вреда сотягающими обстоятельствами (ч. 2 и 3 ст. 111 УК РФ) содеянное «следует квалифицировать по совокупности п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ и соответствующей части ст. 111 УК РФ»<sup>17</sup>.

<sup>17</sup> См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Чучаева. М., 2012. С. 232.

Вопрос о совокупности с ч. 2 ст. 111 УК РФ спорный. Но формула квалификации, предлагаемая А.И. Чучаевым, не может быть поддержана. Она заключает в себе двойное наказание за одно и то же последствие. Если санкция в «соответственной» части ст. 111 УК РФ более строгая (это в ч. 3 — лишение свободы на срок до 12 лет), содеянное по действующему УК РФ правильнее квалифицировать по совокупности ч. 1 ст. 230 и ч. 3 ст. 111 УК РФ (идеальная<sup>18</sup> совокупность). При такой квалификации не будет двойного наказания за квалифицированный тяжкий вред здоровью потерпевшего.

Профессор М.В. Талан считает, что п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ охватывается склонение к потреблению наркотиков, сопряженное с причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. По ее мнению, «причинение тяжкого вреда требует дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ».

Относительно тяжкого вреда по п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ мною уже высказана позиция в настоящей статье. Что касается «дополнительной квалификации по ст. 111 УК РФ», можно повторить то, что было сказано относительно позиции профессора А.И. Чучаева.

В п. «б» ч. 3 ст. 230 УК РФ предусмотрена ответственность за склонение к потреблению наркотиков без применения насилия (ч. 1 ст. 230 УК РФ) и с применением насилия (п. «г» ч. 2 ст. 230 УК РФ), если действия виновного повлекли по неосторожности смерть потерпевшего (лишение свободы от 10 до 15 лет). И в том и в другом случае имеет место ученная законом совокупность. Поэтому дополнительная квалификация по ст. 109 УК РФ (для первой ситуации) или по ч. 4 ст. 111 УК РФ (для второй ситуации), как уже было сказано, не требуется.

В заключение отметим, что об этом применительно к разбою еще в 1969 г. писал профессор Л.Д. Гаухман: «...разбой, сопряженный с причинением тяжких телесных повреждений, повлекших лишение жизни потерпевшего по неосторожности, квалифицируется только по п. «в» ч. 2 ст. 91 или п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. Дополнительная квалификация деяния еще и как убийства по неосторожности не требуется, поскольку неосторожное причинение смерти при умышленном нанесении тяжких телесных повреждений охватывается понятием тяжкого телесного повреждения, предусмотренного ч. 2 ст. 108 УК РСФСР и соответствующими нормами УК других союзных республик»<sup>19</sup>.

На наш взгляд, эта позиция Л.Д. Гаухмана соответствовала действующей редакции УК РСФСР в 1969 г. и соответствует сегодня действующей редакции УК РФ.

Однако в настоящее время профессор Л.Д. Гаухман согласился с установкой Пленума Верховного Суда СССР, изложенной в постановлении от 5 сентября 1986 г. № 11

<sup>18</sup> См.: Уголовное право России. Особенная часть : учебник / ред. Ф.Р. Сундуров, М.В. Талан. М. : Статут, 2012. С. 489.

<sup>19</sup> См.: Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. С. 93–94.



«О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» с изменениями<sup>20</sup> и считает, что в рассматриваемой ситуации «содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР и ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ 1996 г. и ч. 4 ст. 111 УК РФ 1996 г.)»<sup>21</sup>.

<sup>20</sup> См.: Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 2.

<sup>21</sup> См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений. Закон, теория, практика. 2-е изд. М., 2003. С. 414–415.

## Литература

1. Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами / Л.Д. Гаухман. М. : «Юридическая литература», 1969. 120 с.
2. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений. Закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. 2-е изд. М. : «Центр ЮрИнфоР», 2003. 447 с.
3. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления / Л.Д. Гаухман. М. : «Юридическая литература», 1974. 167 с.
4. Комментарий к УК РСФСР. М. : «Юридическая литература», 1971. 560 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 10-е изд. М. : Юрайт, 2010. 931 с.
6. Михайлов В.И. Правомерный вред в уголовном законодательстве и правовой доктрине / В.И. Михайлов. СПб. : Санкт-Петербургский филиал РТА, 2011. 200 с.
7. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2012. 448 с.
8. Уголовное право. Особенная часть : учебник / отв. ред. И.Я. Казаченко, Г.П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. М. : НОРМА, 2008. 1008 с.
9. Уголовное право. Особенная часть : учебник / отв. ред. И.В. Шишко. М. : Проспект, 2012. 752 с.
10. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / ред. Ф.Р. Сундуров, М.В. Талан. М. : Статут, 2012. 943 с.
11. Федоров А.В. Значение постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» для правоприменительной практики и совершенствования законодательства / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2006. № 3. С. 15–19.

То есть фактически он присоединился к позиции, которой в настоящее время придерживается Пленум Верховного Суда Российской Федерации. Об основании изменения позиции Л.Д. Гаухмана можно только догадываться. Вынужден повторить еще раз, что данная установка чревата двойной ответственностью за один и тот же тяжкий вред здоровью потерпевшего со смертельным исходом и ведет к нарушению положения, закрепленного в ч. 2 ст. 6 УК РФ.

## Bibliography

1. Gaukhman L.D. Bor'ba s nasil'stvenny'mi posyagatel'stvami [Fighting violent encroachments]. Moscow, "Yuridicheskaya literatura" Publ., 1969. 120 p.
2. Gaukhman L.D. Kvalifikatsiya prestuplenij. Zakon, teoriya, praktika [Qualification of crimes. Law, theory, practice]. 2nd edition. Moscow, "Tsentr YurInFor" Publ., 2003. 447 p.
3. Gaukhman L.D. Nasilie kak sredstvo soversheniya prestupleniya [Violence as a means of commission of a crime]. Moscow, "Yuridicheskaya literatura" Publ., 1974. 167 p.
4. Kommentarij k UK RSFSR [Commentary to the Criminal Code of the Russian Soviet Federal Union Republic]. Moscow, "Yuridicheskaya literatura" Publ., 1971. 560 p.
5. Lebedev V.M., ed. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federatsii [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. 10th edition. Moscow, Yurajt Publ., 2010. 931 p.
6. Mikhajlov V.I. Pravomernyj' vred v ugolovnom zakonodatel'stve i pravovoj doktrine [Legitimate harm in criminal legislation and legal doctrine]. St. Petersburg, St. Petersburg Branch of the Russian Customs Academy Publ., 2011. 200 p.
7. Chuchayev A.I., ed. Rossijskoe ugolovnoe pravo. Osobennaya chast' [Russian criminal law. Special part]. Moscow, KONTRAKT: INFRA-M Publ., 2012. 448 p.
8. Kazachenko I.Ya., Novoselov G.P., eds. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'. Uchebnik [Criminal law. Special part. Textbook]. 4th edition revised. Moscow, NORMA Publ., 2008. 1008 p.
9. Shishko I.V., ed. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'. Uchebnik [Criminal law. Special part. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 752 p.
10. Sundurov F.R., Talan M.V., eds. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'. Uchebnik [Criminal law. Special part. Textbook]. Moscow, Statut Publ., 2012. 943 p.
11. Fedorov A.V. Znachenie Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federatsii ot 15 iyunya 2006 № 14 "O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyakh, svyazanny'kh s narkoticheskimi sredstvami, psikhotropny'mi, sil'nodejstvuyushimi i yadovity'mi veshchestvami" dlya pravoprimenitel'noj praktiki i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva [Significance of Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2006 №14 "On Judicial Practice on Cases of Crimes Related to Narcotic Means, Psychotropic, Potent and Poisonous Substances" for law-application practice and improvement of the legislation]. Drug Control - Narkokontrol', 2006, no. 3, pp. 15 – 19.

## На заметку читателям журнала «Наркоконтроль»

В 2014 году вышли из печати 22-й том издания «Энциклопедия уголовного права», посвященный преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности СПб.: Издание профессора Малинина – МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2014. – 886 с.) и 3-й том учебника «Российское уголовное право, Общая и Особенная части / Под ред. Н.А. Лопашенко (М.: Юрлитинформ, 2014. – 664 с.), в котором, в котором подробно рассмотрены преступления против здоровья населения и общественной нравственности (с. 128 – 218).

Указанные издания будут интересны всем, кто интересуется наркотематикой.

## Уголовно-правовое понятие культивирования наркосодержащих растений

*Комиссаров Владимир Сергеевич,  
заведующий кафедрой уголовного права  
и криминологии юридического факультета  
Московского государственного университета  
им. М.В. Ломоносова,  
доктор юридических наук, профессор  
(г. Москва)*

*E-mail: vskomissarov@mail.ru*

*Пожидаев Илья Евгеньевич,  
аспирант кафедры уголовного права и криминологии  
юридического факультета Московского  
государственного университета  
им. М.В. Ломоносова  
(г. Москва)*

*E-mail: ipozhidaev@rambler.ru*

*Komissarov Vladimir Sergeevich,  
head of the Chair of Criminal Law and Criminology  
of the Law Faculty of M.V. Lomonosov Moscow State  
University (Moscow),  
doctor of juridical sciences, professor*

*E-mail: vskomissarov@mail.ru*

*Pozhidaev Ilya Evgen'evich,  
graduate student of the Chair of Criminal Law  
and Criminology of the Law Faculty  
of M.V. Lomonosov Moscow State University  
(Moscow)*

*E-mail: ipozhidaev@rambler.ru*

В настоящей статье рассматриваются проблемные вопросы, касающиеся объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ. Были проанализированы законодательные нововведения от 19 мая 2010 г., а также рассмотрен необходимый категориальный аппарат, представленный в Федеральном законе от 19 мая 2010 г. № 87-ФЗ. Были представлены и проанализированы точки зрения, изложенные в литературе по вопросу определения объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ, а также по вопросам определения момента окончания незаконного культивирования наркосодержащих растений. Подчеркивается, что незаконное культивирование наркосодержащих растений является продолжаемым преступлением — со всеми вытекающими требованиями о квалификации продолжаемых преступлений. Наконец, в настоящей статье предлагается законодательное определение понятия «незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры», наличие которого позволило бы избежать трудностей при квалификации соответствующих деяний.

**Ключевые слова:** незаконное культивирование, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры.

### Criminal-law concept of cultivation of drug-containing plants

The present article concerns controversial issues related to the objective party to a crime provided for by article 231 of the Criminal Code of the RF; analyses legislative developments of May 19, 2010 and considers the necessary framework of categories and concepts presented in Federal law of May 19, 2010 № 87-FZ. The authors presented and analyzed viewpoints described by the literature on the issue of determination of the objective party to a crime provided for by article 231 of the Criminal Code of the RF, and on the issues of determination of the moment of the end of illegal cultivation of drug-containing plants; stress that illegal cultivation of drug-containing plants is a continuing crime with all relevant requirements on qualification of continuing crimes. In conclusion the article proposes a legislative definition of the concept of "illegal cultivation of plants containing narcotic means or psychotropic substances or precursors thereof", the availability of which would allow to avoid difficulties in qualification of a relevant action.

**Key words:** illegal cultivation, plants containing narcotic means or psychotropic substances or precursors thereof.

Ответственность за незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, установлена ст. 231 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ)<sup>1</sup>.

До 19 мая 2010 г. ст. 231 УК РФ предусматривала уголовную ответственность не только за незаконное

культивирование наркосодержащих растений, но и за их незаконные посев и выращивание. В настоящее время, исходя из формулировки ст. 231 УК РФ, в редакции Федерального закона от 19 мая 2010 г. № 87-ФЗ<sup>2</sup>, ответственность наступает только за незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Рассмотрение содержания этой статьи начато в предыдущем номере журнала «Наркоконтроль». См.: Комиссаров В.С., Пожидаев И.Е. Проблемы определения признаков предмета преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 15—19.

<sup>2</sup> См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 21. Ст. 2525.

<sup>3</sup> Подробно об этом см.: Федоров А.В. Наркосодержащие растения как предмет преступлений и ответственность за неза-

Этим же законом были нормативно закреплены понятия: —

— **«растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры** (далее — наркосодержащие растения), — растения, из которых могут быть получены наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры и которые включены в Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации;

— **культивирование наркосодержащих растений** — деятельность, связанная с созданием специальных условий для посева и выращивания наркосодержащих растений, а также их посев и выращивание, совершенствование технологии выращивания, выведение новых сортов, повышение урожайности и устойчивости к неблагоприятным метеорологическим условиям;

— **незаконное культивирование наркосодержащих растений** — культивирование наркосодержащих растений, осуществляемое с нарушением законодательства Российской Федерации.

В законодательном определении культивирования наркосодержащих растений достаточно четко определены процессы, образующие незаконное культивирование наркосодержащих растений.

Вместе с тем следует отметить, что из указанного определения нельзя сделать однозначный вывод, являются ли такие действия, как например, охрана посевов, «созданием специальных условий», или же под «специальными условиями» понимаются лишь определенные температурные условия, определенная влажность, определенное состояние почвы и проч.

В связи с этим, на наш взгляд, представляется целесообразным дополнить понятие культивирования такими действиями, как «любые другие действия, направленные на доведение наркосодержащих растений до стадии созревания».

Кроме того, понятие «незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры» является фундаментальным для ст. 231 УК РФ, а следовательно, его целесообразнее было бы закрепить в примечании к данной статье — по тому же принципу, как соответствующие дефиниции закреплены в ряде других статей УК РФ.

Примечание к ст. 231 УК РФ можно сформулировать следующим образом: «Под незаконным культивированием растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, в настоящей статье понимаются посев и выращивание, а также совершенствование технологии посева и выращивания растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, охрана посевов, подготовка почвы к посевам, а также любые другие действия, направленные на доведение растений,

конное культивирование наркосодержащих растений // Наркоконтроль. 2011. № 1. С. 14–27.

содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, до стадии созревания».

Преступление, предусмотренное ст. 231 УК РФ, является преступлением с формальным составом, т.е. заканчивается совершением определенных действий. Это положение признается всеми авторами, исследующими проблемы незаконного культивирования наркосодержащих растений.

Тем не менее в настоящее время момент окончания преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ, в большинстве работ, по нашему мнению, сформулирован некорректно.

Обычно авторы подразделяют преступление, предусмотренное ст. 231 УК РФ, на три самостоятельных состава, а именно на «незаконное культивирование», «незаконный посев» и «незаконное выращивание», и по каждому из них выделяют момент окончания<sup>4</sup>, причем такая точка зрения прослеживается в работах вплоть до настоящего времени<sup>5</sup>.

Данная позиция представлялась справедливой только до законодательных изменений от 19 мая 2010 г., по состоянию же на сегодняшний день она, на наш взгляд, не является актуальной и правильной.

Для того чтобы дать корректный ответ на вопрос о моменте окончания незаконного культивирования наркосодержащих растений, необходимо обратиться к дефиниции продолжаемых преступлений. Под продолжаемым понимается преступление, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление<sup>6</sup>.

Преступление, предусмотренное ст. 231 УК РФ, является продолжаемым, поскольку его образует набор тождественных, упорядоченных и последовательных преступных действий, таких как: подготовка почвы, посев, выращивание, охрана посевов, совершенствование технологии посева и выращивания и проч.

Продолжаемое преступление следует считать оконченным с момента совершения последнего из задуманных виновным лицом действий<sup>7</sup>, т.е. в случае с незаконным культивированием — с момента совершения последнего из действий, нацеленных на доведение того или иного растения до стадии созревания (например,

<sup>4</sup> См., напр.: Ибрагимова А.Х. Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (по материалам Республики Дагестан) : дис. ... к.ю.н. Махачкала, 2003. С. 41–42.

<sup>5</sup> См.: Федоров А.В. Наркосодержащие растения как предмет преступлений и ответственность за незаконное культивирование наркосодержащих растений // Наркоконтроль. 2011. № 1. С. 24; Сердюк Л.Ю. Преступления против здоровья населения, связанные с наркотиками : учебное пособие. Уфа, 2012. С. 41.

<sup>6</sup> См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. М., 2000. С. 92.

<sup>7</sup> См.: Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. I. Преступление и наказание. СПб., 2008. С. 651.

последняя поливка, последняя прополка, создание парниковых условий и проч.).

Иными словами, незаконное культивирование наркосодержащих растений следует воспринимать как единый процесс, оканчивающийся с момента совершения всех необходимых действий, направленных на доведение растений до стадии их созревания. Отдельно взятые преступные действия или их группы (посев, выращивание и проч.) являются лишь ступенями на пути к конечной цели.

Думается, что законодательные изменения от 19 мая 2010 г. имеют именно такое содержание.

Ранее искусственное «дробление» деяния, предусмотренного ст. 231 УК РФ, вынуждало правоприменителя ориентироваться не на окончание деяния как такового, а лишь на окончание его промежуточных этапов. По ст. 231 УК РФ в предыдущей редакции получалось, что преступление считается оконченным ровно на той стадии, на которой было обнаружено или пресечено. Это могло породить следующие проблемы и противоречия.

Во-первых, трудности могли возникать при ограничении приготовления к совершению преступления от покушения на преступление (например, при оценке рыхления почвы или даже удаления сорняков перед рыхлением почвы).

Во-вторых, трехзвенное деление незаконного культивирования само по себе исключало бы существовавшую систему административной преюдиции. Терялась бы ее суть, сводящаяся к тому, что сперва лицо привлекает-

ся к административной ответственности, и лишь затем, по прошествии определенного времени и при наступлении определенных условий, — к уголовной<sup>8</sup>.

Нынешняя редакция ст. 231 УК РФ, представляющая незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, исключает такого рода трудности.

Итак, если привести к общему знаменателю все изложенное выше, то можно сформулировать три вывода: 1) «дробление» незаконного культивирования на более мелкие категории на законодательном уровне представляется надуманным, правоприменителям надлежит рассматривать преступление, предусмотренное ст. 231 УК РФ, как единое продолжаемое преступление; 2) необходимо сформулировать понятие незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, на законодательном уровне и отразить его в примечании к ст. 231 УК РФ; 3) момент окончания преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ, надлежит определять по правилам, предусмотренным для продолжаемых преступлений.

<sup>8</sup> См.: Осмоналиев К.М. Уголовно-правовые меры предупреждения и пресечения незаконного оборота наркотических средств (по материалам Кыргызской Республики) : дис. ... к.ю.н. М., 1997. С. 91.

#### Литература

1. Ибрагимов А.Х. Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (по материалам Республики Дагестан) : дис. ... к.ю.н. / А.Х. Ибрагимов. Махачкала, 2003. 42–44 с.
2. Ищенко Д.П. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным культивированием запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества : дис. ... к.ю.н. / Д.П. Ищенко. Ростов-на-Дону, 2005. 188 с.
3. Комиссаров В.С., Пожидаев И.Е. Проблемы определения признаков предмета преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ / В.С. Комиссаров, И.Е. Пожидаев // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 15–19.
4. Осмоналиев К.М. Уголовно-правовые меры предупреждения и пресечения незаконного оборота наркотических средств (по материалам Кыргызской Республики) : дис. ... к.ю.н. / К.М. Осмоналиев. М., 1997. 91 с.
5. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. I. СПб., 2008. 1133 с.
6. Сердюк Л.Ю. Преступления против здоровья населения, связанные с наркотиками : учебное пособие / Л.Ю. Сердюк. Уфа, 2012. 41 с.
7. Федоров А.В. Наркосодержащие растения как предмет преступлений и ответственность за незаконное культивирование наркосодержащих растений / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2011. № 1. С. 14–27.

#### Bibliography

1. Ibragimov A.Kh. Nezakonnoe kul'tivirovanie zapreshenny'kh k vozdeleyvaniyu rastenij, soderzhashhikh narkoticheskie veshhestva (po materialam Respubliki Dagestan): Diss. kandidat jurid. nauk [Illegal cultivation of plants prohibited for cultivation and containing narcotic means (based upon materials of the Republic of Dagestan): Candidate jurid. sci. diss.]. Makhachkala, 2003. Pp. 42 - 44.
2. Ishhenko D.P. Ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika prestuplenij, svyazanny'kh s nezakonny'm kul'tivirovaniem zapreshenny'kh k vozdeleyvaniyu rastenij, soderzhashhikh narkoticheskie veshhestva: Diss. kandidat jurid. nauk [Criminal-law and criminological characteristics of crimes related to illegal cultivation of plants prohibited for cultivation and containing narcotic means: Candidate jurid. sci. diss.]. Rostov-on Don, 2005. 188 p.
3. Komissarov V.S., Pozhidaev I.E. Problemy' opredeleniya priznakov predmeta prestupleniya, predusmotrennogo st. 231 UK RF [Problems of determination of features of the target of a crime provided for by article 231 of the Criminal Code of the RF]. Drug Control - Narkokontrol', 2014, no. 1, pp. 15 - 19.
4. Osmonaliev K.M. Ugolovno-pravovy'e mery' preduprezhdeniya i presecheniya nezakonno go oborota narkoticheskikh sredstv (po materialam Ky'rgy'zskoj Respubliki): Diss. kandidat jurid. nauk [Criminal-law measures of prevention and suppression of illegal turnover of narcotic means (based upon materials of Kyrgyz Republic): Candidate jurid. sci. diss.]. Moscow, 1997, 91 p.
5. Korobeev A.I., ed. Polny'j kurs ugolovno go prava v 5 tomakh: Tom I [Complete course of criminal law in 5 volumes: Volume I]. St. Petersburg, 2008. 1133 p.
6. Serdyuk L.Yu. Prestupleniya protiv zdorov'ya naseleniya, svyazanny'e s narkotikami [Crimes against health of the population related to drugs: Educational manual]. Ufa, 2012. 41 p.
7. Fedorov A.V. Narkosoderzhashhie rasteniya kak predmet prestuplenij i otvetstvennost' za nezakonnoe kul'tivirovanie narkosoderzhashhikh rastenij [Drug-containing plants as a target of crimes and responsibility for illegal cultivation of drug-containing plants]. Drug Control - Narkokontrol', 2011, no. 1, pp. 14 - 27.

## Криминологические особенности и уголовно-правовая превенция групповых преступлений, совершаемых подростками в состоянии опьянения

*Яблочкин Александр Евгеньевич,  
соискатель кафедры криминологии  
Краснодарского университета МВД России  
(г. Краснодар)*

*E-mail: 26111976@list.ru*

*Yablochkin Aleksandr Evgen'evich,  
degree-seeking student of the Chair of Criminology  
of Krasnodar University of the Ministry  
of Internal Affairs of Russia (Krasnodar)*

*E-mail: 26111976@list.ru*

*В настоящей статье проведен криминологический анализ групповых преступлений, совершаемых подростками в состоянии опьянения. Особое внимание обращено на устойчивые закономерности в развитии данного сегмента ювенальной преступности, и на их основе сформулированы предложения по совершенствованию ст. 151, 151<sup>1</sup> и 230 УК РФ.*

*Ключевые слова:* уголовно-правовая превенция, групповая преступность несовершеннолетних, состояние опьянения, спиртные напитки, наркотические средства, психотропные вещества.

### **Criminological peculiarities and criminal-law prevention of collective crimes committed by juveniles in the state of intoxication**

*The present article makes a criminological analysis of collective crimes committed by juveniles in the state of intoxication. The special attention is drawn to the stable regularities in development of this segment of juvenile crime and on the basis thereof the author formulates proposals with regard to improvement of articles 151, 151<sup>1</sup> and 230 of the Criminal Code of the RF.*

*Key words:* criminal-law prevention, collective crime of juveniles, state of intoxication, alcoholic beverages, narcotic means, psychotropic substances.

Выделение групповых подростковых преступлений в отдельный сегмент «пьяной» преступности имеет под собой весомые криминологические основания.

Не втягиваясь в дискуссию о необходимости установления уголовной ответственности за незаконное потребление наркотиков (наркотических средств и психотропных веществ)<sup>1</sup>, отметим, что в механизме групповой ювенальной преступности потребление алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ является одним из существенных детерминантных факторов. На его высокую криминогенную значимость указывают неадекватность реакций пьяного несовершеннолетнего на внешние раздражители, сниженная критичность, высокий уровень конформизма («слияние с группой»), повышенная внушаемость, ослабление сдерживающих механизмов самоконтроля, сопутствующая потреблению психоактивных веществ деградация личности и др.

Негативное влияние алкогольной и наркотической интоксикации на психику подростков многократно увеличивается при совершении ими групповых преступлений.

На общественную опасность этих деяний указывают, с одной стороны, «расплывчатость» и непрогнозируемость их мотивации. В причинном комплексе

групповой девиантности подростков, употребляющих алкоголь, наркотические средства и психотропные вещества, все пронизано признаками ситуации. Именно ситуационные факторы толкают несовершеннолетних на совершение преступлений.

С другой стороны, аккумулированные усилия двух и более подростков более результативны с точки зрения достижения преступного результата и причинения социально опасных последствий. Основным фактором формирования неформальных подростковых групп асоциальной и преступной направленности является неверие несовершеннолетних в свой физический и психологический потенциал. Групповое поведение является мощным компенсаторным механизмом, способным привести к опасным последствиям.

И наконец, групповая «пьяная» преступность несовершеннолетних имеет высокий уровень «криминальной зараженности». Как ни в одном другом сегменте ювенальной преступности, здесь срабатывает механизм «подражания»: в отсутствие необходимого социального контроля действия нетрезвых подростков воспринимаются как образец поведения, нестандартный и смелый поступок.

Говоря о количественных показателях групповой подростковой преступности в Российской Федерации, важно отметить ее скачкообразное развитие. Отмеченный в 2009 г. пик роста сменился устойчивым снижением по основным индексным преступлени-

<sup>1</sup> Об этом см.: Федоров А.В. Ответственность за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. 2011. № 2. С. 3–8.

ям. В 2012 г. по сравнению с 2009 г. количество особо тяжких посягательств сократилось на 76%, тяжких — на 58% за счет увеличения абсолютных показателей преступлений средней тяжести (+54%) и небольшой тяжести (+50%).

В 2012 г. деяния, совершенные подростковыми группами, составили только 3,5% от общего количества регистрируемых посягательств и 14% от групповых преступлений. Их доля в структуре групповой преступности по сравнению с 2003 г. практически не изменилась и составила 14% для подростковых групп и 18,4% — для смешанных групп.

Представления о характере и динамике этой категории преступлений дает их корреляционное сравнение с близкими по криминологическим характеристикам деяниями: групповой преступностью, подростковой преступностью, преступлениями против жизни и здоровья и преступлениями, совершенными в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

Под корреляционным анализом в контексте настоящего исследования понимается метод обработки количественных показателей отдельных видов преступлений за последние десять лет с целью измерения тесноты связи между ними. Корреляция выражает зависимость между величинами и характеризует причинную, обуславливающую связь или связи между следствиями общей причины.

Показатели корреляции находятся в границах от -1 до +1. При коэффициенте корреляции «1» имеет место абсолютная прямая функциональная зависимость, при показателе «-» — обратная функциональная связь. В юридической статистике показатель корреляции < 0,33 указывает на слабую зависимость между явлениями, коэффициент в границах от 0,33 до 0,62 подтверждает среднюю связь между отдельными видами преступлений (связь обуславливания) и, наконец, показатель выше 0,62 говорит о сильной детерминационной зависимости (причинной связи) между ними.

Таблица 1

**Корреляционная зависимость между групповыми преступлениями, совершаемыми подростками в состоянии опьянения, и другими преступлениями**

	Групповая преступность	Подростковая преступность	Преступления, совершенные в состоянии алкогольного опьянения	Преступления, совершенные в состоянии наркотического опьянения	Преступления против жизни и здоровья
Групповые преступления, совершенные подростками	0,96	0,83	0,90	0,92	0,98

Анализ коэффициентов корреляции позволяет установить ряд закономерностей в динамике преступлений, совершаемых нетрезвыми подростками в группе:

— высокие корреляционные показатели подтверждают вывод о том, что этот сегмент преступности представляет собой целостное и относительно самостоятельное криминологическое явление, находящееся в тесной взаимосвязи с другими преступными посягательствами<sup>2</sup>;

— при относительно равных показателях корреляции тесная связь отмечена между групповой преступностью и преступлениями против жизни и здоровья, что может указывать как минимум на два обстоятельства: на производность подростковой преступности от групповой взрослой преступности и на преобладание в структуре преступлений, совершаемых пьяными подростками в группе, посягательств на жизнь и здоровье;

— сильная системная зависимость между групповыми «пьяными» посягательствами несовершеннолетних и преступлениями, совершенными в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, в целом указывает на высокую детерминационную роль состояния опьянения в генезисе подросткового преступления и о «стирании» границ между криминальными формами проявления алкоголизации и наркотизации населения.

В целом в динамике групповой преступности несовершеннолетних, детерминированной потреблением психоактивных веществ, проявляются тенденции, характерные для четырех относительно самостоятельных сегментов преступности: групповой, ювенальной, «алкогольной» и «наркоманной».

Выборочный анализ уголовных дел выявил следующую структуру групповых преступлений, совершаемых подростками в состоянии опьянения: убийства (15%); причинение тяжкого вреда здоровью (18%); причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью (12%); побои (6%); изнасилования (12%); кражи (15%); грабежи (13%); разбои (4%); хулиганство (3%) и другие деяния (2%).

Преобладание насильственных преступлений объясняется общей ситуативно-агрессивной направленностью неформальных подростковых групп, ориентированных на потребление психоактивных веществ. Анкетирование несовершеннолетних, осужденных за совершение насильственных и корыстных преступлений на улицах, показало, что более 77% из них находились в момент совершения преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

При этом более 68% употребляли психоактивные вещества в группе несовершеннолетних, с которыми в последующем совершили преступления. 86% несовершеннолетних, находящихся в момент совершения группового преступления в состоянии опьянения, употребляли водку (54%), пиво (16%), вино (11%), коньяк (3%) и др. (2%).

<sup>2</sup> См.: Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 4—27.

В зависимости от состава неформального объединения можно выделить исключительно подростковые и смешанные группы. При относительном равенстве количественных показателей, общественная опасность смешанных групп значительно более высока. На это указывают данные статистики (таблица 2).

Таблица 2

**Преступления, совершенные  
при соучастии несовершеннолетних либо только  
несовершеннолетними (2012 г.)**

Совершено преступлений	При соучастии несовершеннолетних	Только несовершеннолетними
особо тяжкие	1549	499
тяжкие	8603	6416
средней тяжести	9327	8016
небольшой тяжести	870	412

Смешанными группами в три раза чаще совершаются особо тяжкие и в 1,3 раза чаще — тяжкие преступления. Наглядно различия между группами проявляются при сравнении показателей убийств, причинения тяжкого вреда здоровью и изнасилований. Например, в 2012 г. смешанными группами было совершено 142 убийства, 330 случаев причинения тяжкого вреда здоровью и 205 изнасилований, в то время как аналогичные показатели преступлений, совершаемых подростковыми группами, составили 37, 71 и 88 деяний соответственно. Таким образом, по основным индексным индикаторам насильственной преступности, показатели криминальной активности смешанных групп превосходят показатели подростковых групп в среднем в 4 раза.

Это обстоятельство лишний раз подтверждает общественную опасность смешанных групп и нуждается в тщательном анализе при разработке специальных мер предупреждения подростковой преступности.

В целом проведенный анализ позволил выделить следующие устойчивые черты групповой преступности несовершеннолетних, находящихся в состоянии опьянения:

— при относительно стабильных количественных показателях рассматриваемый сегмент преступности приобретает негативные качественные черты: укрепляются системные корреляционные связи с «алкогольной» и «наркоманной» преступностью; расширяются масштабы привлечения к употреблению психоактивных веществ и совершению преступлений лиц более молодого возраста<sup>3</sup>;

— высокую общественную опасность приобретают смешанные подростковые группы за счет увеличения количества совершенных ими особо тяжких преступлений, систематического характера преступной

деятельности и ее сочетания с систематическим антиобщественным поведением (употреблением психоактивных веществ, занятием проституцией, бродяжничеством и попрошайничеством);

— групповая преступность несовершеннолетних приобретает устойчивый характер: с каждым годом все большее количество подростков под воздействием психоактивных веществ повторно совершают преступление;

— изменение качественных форм преступной активности подростков осуществляется в направлении создания преступных групп, использующих несовершеннолетних в преступных целях;

— вовлечение несовершеннолетнего в употребление психоактивных веществ приобретает характер универсального и эффективного способа вовлечения в преступную деятельность. Используя возрастные особенности подростков, виновные создают асоциальные группы, в которых вовлекают в потребление алкоголя и наркотиков сразу нескольких лиц;

— расширяется спектр потребляемых несовершеннолетними психоактивных веществ как за счет легких алкогольных напитков (вина, пива и др.), так и за счет сильных наркотических средств, психотропных и одурманивающих веществ.

Изложенные выше выводы должны сыграть важную роль в создании новых и оптимизации существующих мер уголовно-правовой превенции преступлений, совершаемых подростками в состоянии опьянения.

В действующем уголовном законодательстве содержатся нормы, составляющие основу их уголовно-правового предупреждения:

— ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий»;

— ст. 151<sup>1</sup> УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции»;

— ст. 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»<sup>4</sup>.

Анализ составов ст. 151, 151<sup>1</sup> и 230 УК РФ с точки зрения оценки их предупредительного потенциала позволяет сформулировать ряд важных рекомендаций:

1. Ранее в числе тенденций рассматриваемых преступлений отмечалась практика вовлечения в потребление психоактивных веществ одновременно нескольких подростков. В среднем 70% подростков вовлекаются в употребление алкоголя, наркотических средств и психотропных веществ «массовым способом». Для реализации преступных целей виновный использует механизм психологической зараженности толпы и высокий уровень конформизма подростков.

В итоге он достигает сразу двух целей: вовлечения несовершеннолетних в антисоциальную дея-

<sup>3</sup> Сидоренко Э.Л. Некоторые проблемы уголовно-правовой оценки состояния опьянения виновного в теории и правоприменительной деятельности // Уголовное право. 2005. № 1. С. 67; Сидоренко Э.Л. Назначение наказания лицам, совершившим преступление в состоянии опьянения // Законность. 2006. № 11. С. 9–11.

<sup>4</sup> Об этом см.: Ролик А.И. Уголовная ответственность за склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ // Наркоконтроль. 2011. № 3. С. 2–6.

тельность и совершение ими группового преступления. Принимая во внимание высокую степень типовой общественной опасности деяний, направленных на вовлечение в антиобщественную деятельность двух и более подростков, предлагаем дополнить ст. 151 и 230 УК РФ соответствующим квалифицированным составом — ч. 2.1 следующего содержания: «...то же деяние, совершенное в отношении двух и более лиц».

2. В числе содержательных недостатков диспозиции ст. 151 УК РФ следует отметить необоснованное ограничение психоактивных веществ только спиртными напитками и одурманивающими веществами.

Согласно ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции», спиртные напитки, являясь алкогольной продукцией, не включают в себя питьевой этиловый спирт, пиво и вино. Исходя из буквального толкования нормы ст. 151 УК РФ, можно предположить, что вовлечение несовершеннолетнего в систематическое потребление питьевого этилового спирта, вина, пива и производных от пива напитков не образует состава преступления.

Вместе с тем состояние опьянения, вызванное спиртными напитками или иной алкогольной продукцией, не обладает столь заметными различиями, чтобы в одних случаях привлекать к ответственности по ст. 151 УК РФ, а в других — нет.

На необходимость корректировки терминологии указывает и тот факт, что в ст. 151<sup>1</sup> УК РФ установлена ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, а не спиртных напитков.

Таким образом, из текста закона явствует, что целенаправленное вовлечение подростка в систематическое потребление вина и пива не влечет уголовную ответственность, а розничная продажа ему этих напитков является преступлением.

В целях устранения этой коллизии и повышения эффективности уголовно-правовой превенции преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, предлагаем заменить в ст. 151 УК РФ термин «спиртные напитки» на более общее понятие «алкогольная продукция».

3. Своевременным и криминологически оправданным является предложение о расширении круга жертв вовлечения в антиобщественные действия. По данным мировой статистики, средний возраст лиц, вовлеченных в потребление алкоголя, составляет в среднем 12 лет, в потребление наркотиков — 15 лет, в потребление отдельных видов одурманивающих веществ — 11 лет. Таким образом, большинство фактических жертв вовлечения — это малолетние лица.

Но поскольку преступлением признается склонение (вовлечение) в употребление психоактивных веществ только несовершеннолетних (т.е. лиц в возрасте от 14 до 18 лет), аналогичные действия в отношении малолетних лиц юридически ненаказуемы<sup>5</sup>.

Эффективным способом устранения этого противоречия является дополнение круга потерпевших в ст. 151 и п. «а» ч. 2 ст. 230 УК РФ малолетними лицами. Такое решение признали справедливым 90% респондентов.

4. В целях предупреждения алкоголизма в подростковой среде 21 июля 2011 г. в УК РФ была введена ст. 151<sup>1</sup> «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции». Но уже через год стало ясно, что она не оправдала возложенных на нее ожиданий, по причине несовершенства своей законодательной конструкции.

Основное возражение вызывает использование в ст. 151<sup>1</sup> УК РФ термина «розничная продажа», поскольку он автоматически исключает из круга деяний оптовую продажу или торговлю с рук.

Основываясь на положениях уголовного, гражданского и административного законодательства, можно заключить, что физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, не может быть признано субъектом рассматриваемого преступления. «Действия таких лиц не подпадают ни под ст. 14.6 КоАП РФ, ни под ст. 151<sup>1</sup> УК РФ. А между тем смысл правового регулирования в этой сфере заключается, прежде всего, в обеспечении физической недоступности алкогольной продукции для несовершеннолетних»<sup>6</sup>.

На основании проведенного исследования были сформулированы следующие предложения *de lege ferenda* по оптимизации уголовно-правовой превенции групповых преступлений, совершаемых подростками в состоянии опьянения:

— дополнение ст. 151 и ст. 230 УК РФ квалифицированным составом совершения деяния в отношении двух и более лиц;

— установление уголовно-правового запрета на вовлечение малолетних в потребление психоактивных веществ за счет расширения в ст. 151 и 230 УК РФ круга потерпевших;

— унификации терминологии посредством замены в ст. 151 УК РФ понятия «спиртные напитки» на более общую категорию «алкогольная продукция».

<sup>5</sup> Сидоренко Э.Л. О системности дифференциации уголовной ответственности с учетом возраста потерпевшего // Российский криминологический взгляд. 2009. № 4. С. 240–246.

<sup>6</sup> Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Установление уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: оправдаются ли надежды? // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 4. С. 13–17.



**Литература**

1. Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Установление уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: оправдаются ли надежды? / Н.В. Артеменко, Н.Г. Шимбарева // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 4. С. 13–17.
2. Ролик А.И. Уголовная ответственность за склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ / А.И. Ролик // Наркоконтроль. 2011. № 3. С. 2–6.
3. Сидоренко Э.Л. Назначения наказания лицам, совершившим преступление в состоянии опьянения / Э.Л. Сидоренко // Законность. 2006. № 11. С. 9–11.
4. Сидоренко Э.Л. Некоторые проблемы уголовно-правовой оценки состояния опьянения виновного в теории и правоприменительной деятельности / Э.Л. Сидоренко // Уголовное право. 2005. № 1. С. 67.
5. Сидоренко Э.Л. О системности дифференциации уголовной ответственности с учетом возраста потерпевшего / Э.Л. Сидоренко // Российский криминологический взгляд. 2009. № 4. С. 240–246.
6. Федоров А.В. Ответственность за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2011. № 2. С. 3–8.
7. Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 4–27.

**Bibliography**

1. Artemenko N.V., Shimbareva N.G. Ustanovlenie ugovolnoj otvetstvennosti za prodazhu nesovershennoletnim alkogol'noj produktsii: opravdayutsya li nadezhdyy? [Establishment of criminal responsibility for sale to minors of alcoholic products: if the expectations will be met?]. Issues of Juvenile Justice - Voprosy' yuvenal'noj yustitsii, 2012, no. 4, pp. 13 – 17.
2. Rolik A.I. Ugolovnaya otvetstvennost' za sklonenie k potrebleniyu narkoticheskikh sredstv ili psikhotropny'kh veshhestv [Criminal responsibility for inducement to consumption of narcotic means or psychotropic substances]. Drug Control - Narkokontrol', 2011, no. 3, pp. 2 – 6.
3. Sidorenko E'.L. Naznacheniyе nakazaniya litsam, sovershivshim prestupleniye v sostoyanii op'yaniyeniya [Assignment of punishment for persons committed crime at the state of intoxication]. Legitimacy - Zakonnost', 2006, no. 11, pp. 9 – 11.
4. Sidorenko E'.L. Nekotory'e problemy' ugovolno-pravovoy otsenki sostoyaniya op'yaniyeniya vinovnogo v teorii pravoprimenitel'noj deyatel'nosti [Some problems of criminal-law evaluation of the state of intoxication of a guilty party in the theory and law-application activities]. Criminal Law - Ugolovnoe pravo, 2005, no. 1, pp. 67.
5. Sidorenko E'.L. O sistemnosti differentsiatsii ugovolnoj otvetstvennosti s uchetom vozrasta poterpevshego [On systemic differentiation of criminal responsibility taking into consideration the age of the complainant]. Russian Criminological View - Rossijskij kriminologicheskij vzglyad, 2009, no. 4, pp. 240 – 246.
6. Fedorov A.V. Otvetstvennost' za nemeditsinskoe potrebleniye narkoticheskikh sredstv i psikhotropny'kh veshhestv [Responsibility for abuse of narcotic means and psychotropic substances]. Drug Control - Narkokontrol', 2011, no. 2, pp. 3 – 8.
7. Fedorov A.V. Narkokriminologiya kak odno iz napravlenij kriminologii [Narcotic criminology as one of topics of criminology]. Drug Control - Narkokontrol', 2013, no. 1, pp. 4 – 27.

---

## **Компетенция судебного эксперта, производящего экспертизы наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ: теоретический аспект**

*Иванова Елена Вячеславовна,  
доцент кафедры судебных экспертиз Московского  
государственного юридического университета  
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),  
кандидат юридических наук, доцент*

*E-mail: ivanova-elena-7@yandex.ru*

*Ivanova Elena Vyacheslavovna,  
assistant professor of the Chair of Forensic Expert  
Evaluations of O.E. Kutafin Moscow State Law  
University, candidate of juridical sciences,  
assistant professor*

*E-mail: ivanova-elena-7@yandex.ru*

*В статье рассматриваются вопросы понятия и классификации компетенций судебного эксперта, имеющего право на производство экспертиз наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Предложенные классификации компетенций судебного эксперта позволяют систематизировать знания и функции эксперта, наглядно демонстрируют связь компетенций и возможных ошибок в экспертной деятельности, а также позволяют выделить базовые компетенции, искажение которых может свидетельствовать о заведомой ложности заключения эксперта.*

*Ключевые слова:* судебный эксперт, компетенция, компетентность.

### **Competence of the forensic expert engaged in forensic expert evaluations of narcotic means, psychotropic and potent substances: theoretical aspects**

*The article concerns the concept and classification of competences of the forensic expert who has the right to conduct expert evaluations of narcotic means, psychotropic substances and potent substances. The classifications of competences of the forensic expert in question allow to systematize the knowledge and functions of the expert and demonstrate the connection of competences and possible mistakes in the expert's activities and allow to point out basic competences, the distortion of such competences may confirm the knowing falseness of the expert's opinion.*

*Key words:* forensic expert, competence, incompetence.

В опубликованной в предыдущем номере журнала «Наркоконтроль» статье об ошибочных и заведомо ложных заключениях экспертов по делам о наркопреступлениях<sup>1</sup> начато обсуждение вопросов, касающихся причин появления ошибочных заключений экспертиз.

Ряд из этих причин, на наш взгляд, органически связаны с компетенцией судебного эксперта, производящего экспертизы наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. С учетом данного обстоятельства представляется целесообразным комплексное рассмотрение вопросов компетенции как значимых для оценки заключений экспертов и предотвращения появления ошибочных заключений экспертов. Кроме того, определение соответствующей компетенции эксперта может рассматриваться как обстоятельство, указывающее на то, что имело место не ошибочное, а заведомо ложное заключение эксперта. Особенно важно это по делам о наркопреступлениях, экспертизы по которым носят достаточно сложный характер и требуют от экспертов высокого профессионализма, одной из составляющих которого является компетентность эксперта в сфере его деятельности.

Термин «компетенция» применительно к судебному эксперту употребляется как в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ), так и в иных нормативно-правовых актах.

Так, например, п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ устанавливает право эксперта давать заключение в пределах своей компетенции, п. 3 ч. 2 ст. 70 запрещает участие в производстве по уголовному делу эксперта, если обнаружится его некомпетентность.

Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»<sup>2</sup> (далее по тексту — ФЗ о ГСЭД) упоминает компетенцию в ст. 23, где речь идет о комиссии экспертов разных специальностей.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» говорится о необходимости запросить документы, подтверждающие компетенцию и надлежащую квалификацию, при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом<sup>3</sup>.

Кроме того, требования к компетентности лиц, производящих аналитические лабораторные исследования, установлены «ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009. Межгосударственный стандарт. Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий».

В то же время нормативно-правовое закрепление понятия «компетенция» на данный момент отсутствует.

Толковые словари в определение компетенции включают: 1) круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом; 2) круг полномочий, область подлежащих чьему-либо ведению вопросов<sup>4</sup>.

В научно-педагогической литературе под компетенцией обычно понимается совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, необходимых для качественной продуктивной деятельности<sup>5</sup>; интегральное свойство личности, характеризующее ее стремление и способность (готовность) реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной деятельности в определенной области<sup>6</sup>.

Компетенция эксперта в «Криминалистической энциклопедии» определена как совокупность знаний в области теории, методики и практики экспертизы определенного рода<sup>7</sup>.

Е.Р. Россинская, высказывая аналогичную позицию, рассматривает компетенцию эксперта: 1) как круг полномочий, права и обязанности эксперта, которые определены российскими процессуальными кодексами и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях; 2) как комплекс знаний в области теории, методики и практики судебной экспертизы определенного рода, вида<sup>8</sup>. По ее мнению, компетентность эксперта определяется образовательным уровнем, специальной экспертной подготовкой, стажем экспертной работы, опытом в решении аналогичных экспертных задач и индивидуальными способностями.

К рассмотрению содержания знаний эксперта ученые, так или иначе, обращались неоднократно. В основном, эти исследования проводились в контексте изучения специальных знаний. Так, Ю.К. Орлов рассматривает специальные знания эксперта в уголовном процессе, Т.В. Сахнова и М.К. Треушников изучают «специальные знания» в гражданском (арбитражном) процессе, А.М. Зи-

<sup>1</sup> Иванова Е.В. Некоторые вопросы дифференциации ошибочных и заведомо ложных заключений экспертов по делам о наркопреступлениях // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 22–25.

<sup>2</sup> См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 229; 2002. № 1. Ст. 2.

<sup>3</sup> См.: Российская газета. № 296. 30.12.2010.

<sup>4</sup> См.: Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. С. 446; Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО, 2006. 669 с. С. 239; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 298; Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. 1104 с. С. 336.

<sup>5</sup> См.: Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.

<sup>6</sup> См.: Татур Ю.Г. Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования: материалы ко второму заседанию методологического семинара. Авторская версия. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. С. 7.

<sup>7</sup> См.: Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 20.

<sup>8</sup> См.: Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2011. С. 137.

нин и Н.П. Майлис исследуют содержание специальных знаний эксперта в судопроизводстве вообще. Между тем представляется, что назрела необходимость более глубокого изучения и классификации компетенций эксперта, как совокупности профессиональных качеств, создающих основу для эффективной и безошибочной профессиональной деятельности.

В первую очередь следует поддержать мнение авторов, разграничивающих в профессиональной деятельности эксперта, которая обеспечивается его компетенцией, содержание и форму.

В развитие данного подхода можно предложить выделять функциональную и профессиональную компетенции судебного эксперта.

Функциональная компетенция определяется нормативно установленными полномочиями лица (права и обязанности эксперта), профессиональная компетенция — совокупностью качеств эксперта, позволяющих решать профессиональные задачи.

Функциональная компетенция эксперта образует границы, выход за пределы которых приводит к ошибкам, которые Е.Р. Россинской отнесены к ошибкам процессуального характера<sup>9</sup>.

В понятие компетенции (в данном случае речь идет о профессиональной компетенции) в качестве структурных элементов авторы включают знания, умения, навыки<sup>10</sup>. При этом умения и навыки судебного эксперта являются деятельностно ориентированными качествами, в то время как знания образуют содержание гносеологической составляющей компетенции. В связи с этим представляется целесообразным выделять операционные и гносеологические компетенции судебного эксперта.

Так, в соответствии с приказом ФСКН России, эксперт, имеющий право самостоятельного производства судебных экспертиз наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, должен обладать специальными знаниями и практическими навыками, необходимыми для производства конкретного вида судебной экспертизы в соответствии с экспертными методиками<sup>11</sup>.

К операционным компетенциям в данном случае можно отнести качества, необходимые для проведения исследований в соответствии с методиками: умения осу-

ществлять отбор и подготовку проб, навыки применения технических средств и т.д. Отсутствие или недостаток операционных компетенций могут приводить к ошибкам в деятельности эксперта, которые в теории судебной экспертизы названы операционными<sup>12</sup>.

В части операционных компетенций можно выделить иерархию навыков и умений судебного эксперта. Навыки, как сформированная путем повторения и доведения до автоматизма деятельность (например, по пробоподготовке), совместно с приобретенными экспертом знаниями создает основу для умений как способов познания фактов и обстоятельств.

Следует отметить, что в настоящее время отсутствуют разработанные требования к операционным компетенциям эксперта. Как правило, в основе их оценки лежит субъективное мнение наставника и руководителя курсов повышения квалификации, выраженное в форме отзыва<sup>13</sup>.

Компетенции судебного эксперта могут быть классифицированы по основанию наличия или отсутствия нормативной регламентации. В настоящее время требования к знаниям эксперта, являющегося сотрудником государственного судебно-экспертного учреждения, нормативно регламентированы<sup>14</sup>.

Судебные экспертизы наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ производятся, как правило, в государственных судебно-экспертных учреждениях. Это связано, во-первых, с наличием специальных функций соответствующих государственных органов и, во-вторых, с требованием получения лицензий на судебно-экспертную деятельность с использованием наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Представляет интерес классификация компетенций на «пороговые» и «дифференцирующие»<sup>15</sup>. Пороговыми считаются компетенции, необходимые для достижения минимального результата. Дифференцирующие компетенции позволяют выполнять профессиональные функции наиболее эффективно. Эту классификацию компетенций по отношению к судебному эксперту можно предложить интерпретировать как базовую и дополнительные компетенции.

Базовые компетенции эксперта, получающего право самостоятельного производства судебных экспертиз наркотических средств, психотропных и сильнодей-

<sup>9</sup> Там же. С. 300.

<sup>10</sup> См., напр.: Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Ученик в обновляющейся школе. М.: ИОСО РАО, 2002. С. 135–157.

<sup>11</sup> См.: Приказ ФСКН России от 28 декабря 2006 г. № 440 «Об утверждении Положений об организации обучения экспертов экспертно-криминалистических подразделений органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, об Экспертно-квалификационной комиссии Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, о порядке аттестации экспертов экспертно-криминалистических подразделений органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ на право самостоятельного производства судебных экспертиз и пересмотра уровня их профессиональной подготовки» (с изм. от 29 мая 2009 г.).

<sup>12</sup> См.: Теория судебной экспертизы: учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М.: Норма, 2011. С. 300.

<sup>13</sup> См.: Приказ ФСКН России от 28 декабря 2006 г. № 440.

<sup>14</sup> Так, ст. 13 ФЗ ГСЭД устанавливает, что должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин РФ, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший соответствующую профессиональную подготовку по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти.

<sup>15</sup> Якимова З.В., Николаева В.И. Оценка компетенций: профессиональная среда и вуз // Высшее образование в России. 2012. № 12. С. 13–22.

ствующих веществ и являющегося сотрудником государственного судебно-экспертного учреждения, включают знания законодательных актов Российской Федерации, нормативных правовых актов (причем не только регулирующих судебно-экспертную деятельность, но и относящихся к объекту экспертного исследования<sup>16</sup>), теоретических основ судебной экспертизы, а также знания экспертных методик<sup>17</sup>.

Совокупность знаний, которыми должен владеть судебный эксперт, предлагается считать объективной компетенцией, в то время как степень, в которой конкретный эксперт владеет этими знаниями, — субъективной компетенцией, которую называют компетентностью эксперта<sup>18</sup>.

Официальное признание компетентности эксперта, его готовность к выполнению определенного вида профессиональной деятельности, в словаре-справочнике современного российского профессионального образования обозначена термином «квалификация»<sup>19</sup>.

Определение уровня квалификации государственных судебных экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями. Уровень квалификации экспертов подлежит пересмотру каждые пять лет. Квалификация как внешнее подтверждение сформированных компетенций судебного эксперта актуализируется в форме свидетельства на право производства определенного вида (рода) экспертиз.

Следует отметить, что необходимые (пороговые) знания государственного судебного эксперта не являются субъективными и, как правило, могут быть формализованы. В частности, экспертизы наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ производятся в соответствии с утвержденными методиками, знание которых проверяется при аттестации. Обязательным также является знание экспертом нормативно-правовых актов, регламентирующих контролируемость наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ<sup>20</sup>.

<sup>16</sup> О таких специальных знаниях см., напр.: Федоров А.В. Юридически значимые признаки аналогов наркотических средств и психотропных веществ // Теория и практика судебной экспертизы (научно-практический журнал). 2012. № 4 (28). С. 34–49; Федоров А.В. Определение производных наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства // Теория и практика судебной экспертизы (научно-практический журнал). 2013. № 1 (29). С. 50 – 61.

<sup>17</sup> См.: Приказ ФСКН России от 28 декабря 2006 г. № 440; Приказ МВД России от 14 января 2005 г. № 21 «Об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их профессиональной подготовки».

<sup>18</sup> См.: Теория судебной экспертизы : учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М. : Норма, 2011. С. 138.

<sup>19</sup> Словарь-справочник современного российского профессионального образования / авт.-сост.: Блинов В.И., Волошина И.А., Есенина Е.Ю., Лейбович А.Н., Новиков П.Н. Вып. 1. М. : ФИРО, 2010.

<sup>20</sup> Об этих актах см., напр.: Федоров А.В. Приведение российских перечней наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ в соответ-

ствие с международными антинаркотическими конвенциями: история вопроса и современное состояние // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 8–18.

Искажение в заключении эксперта информации, входящей в базовую компетенцию, подтвержденную свидетельством на право производства экспертизы, может, по-видимому, рассматриваться как заведомая ложность заключения эксперта. Так, например, неустановление экспертом формализованных в соответствующих методиках всех необходимых признаков, позволяющих отнести вещество к категории контролируемых, можно считать заведомо ложным.

В процессе экспертной и научной деятельности, дополнительного образования и самообразования эксперт может овладеть дополнительными знаниями в области современных методов и методик исследования объектов, которые позволят более эффективно производить судебную экспертизу. Степень овладения судебным экспертом дополнительными (дифференцирующими) компетенциями охватывается уровневой классификацией компетенций<sup>21</sup>: основные компетенции, расширенные компетенции, фундаментальные компетенции и экспертные компетенции. Этот подход реализован в ФСКН России в виде присвоения классной квалификации (классности) 2-го класса, 1-го класса и квалификации мастера<sup>22</sup>.

Таким образом, можно отметить, что классификации компетенций судебного эксперта позволяют систематизировать знания и функции эксперта, наглядно демонстрируют связь компетенций и возможных ошибок в экспертной деятельности, а также позволяют выделить базовые компетенции, искажение которых может свидетельствовать о заведомой ложности заключения эксперта.

Основываясь на изложенных выше общих положениях о компетенции экспертов, т.е. касающихся всех экспертов, можно сформулировать следующие положения о специальной компетенции, касающейся экспертов, производящих экспертизы наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ.

1. Компетенция государственного судебного эксперта, производящего экспертизы наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, должна удовлетворять требованиям ФЗ ГСЭД и ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009.

2. Базовую компетенцию государственного судебного эксперта, производящего экспертизы наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, образуют знания законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих судебно-экспертную деятельность, теоретических

---

стие с международными антинаркотическими конвенциями: история вопроса и современное состояние // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 8–18.

<sup>21</sup> Управление персоналом : учебник / под ред. И.Б. Дураковой. М. : ИНФРА-М, 2009. С. 105–114.

<sup>22</sup> Приказ ФСКН России от 1 октября 2010 г. № 409 «О порядке присвоения сотрудникам органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ классной квалификации (классности)» (вместе с «Инструкцией о порядке присвоения сотрудникам органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ классной квалификации (классности)»).

основ судебной экспертизы, соответствующих экспертных методик<sup>23</sup>, знания, касающиеся свойств и признаков наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, условий их контролируемости, а также практические навыки и умения, необходимые для производства судебной экспертизы в соответствии с экспертными методиками.

3. К формализованным знаниям, входящим в базовую компетенцию судебного эксперта, производящего

<sup>23</sup> В настоящее время имеет место перечень методик для экспертных целей, утвержденных ПККН. См.: Письмо Постоянного комитета по контролю наркотиков от 10 июня 1999 г. № КН-928.

#### Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. 2-е изд. доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
2. Иванова Е.В. Некоторые вопросы дифференциации ошибочных и заведомо ложных заключений экспертов по делам о наркопреступлениях / Е.В. Иванова // Наркоконтроль. 2014. № 1. С. 22–25.
3. Татур Ю.Г. Компетентностный подход в описании результатов и проектировании стандартов высшего профессионального образования: материалы ко второму заседанию методологического семинара / Ю.Г. Татур. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. С. 7.
4. Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Россинской. М.: Норма, 2011. 384 с.
5. Управление персоналом: учебник / под ред. И.Б. Дураковой. М.: ИНФРА-М, 2009. 569 с.
6. Федоров А.В. Определение производных наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства / А.В. Федоров // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2013. № 1 (29). С. 50–61.
7. Федоров А.В. Приведение российских перечней наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, сильнодействующих и ядовитых веществ в соответствие с международными антинаркотическими конвенциями: история вопроса и современное состояние / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 8–18.
8. Федоров А.В. Юридически значимые признаки аналогов наркотических средств и психотропных веществ / А.В. Федоров // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2012. № 4 (28). С. 34–49.
9. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования / А.В. Хуторской // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–64.
10. Якимова З.В., Николаева В.И. Оценка компетенций: профессиональная среда и вуз / З.В. Якимова, В.И. Николаева // Высшее образование в России. № 12. 2012. С. 13–22.

экспертизы наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, относятся знания нормативно-правовых актов, регламентирующих контролируемость наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ, а также положения рекомендованных экспертных методик.

4. Операционной компетенцией судебного эксперта, производящего экспертизы наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, являются качества, необходимые для проведения исследований в соответствии с методиками: умения осуществлять отбор и подготовку проб, навыков применения технических средств и т.д.

#### Bibliography

1. Belkin R.S. Kriminalisticheskaya e'ntsiklopediya [Criminal technique investigation encyclopedia]. 2nd edition revised. Moscow, Megatron XXI Publ., 2000. 334 p.
2. Ivanova E.V. Nekotory'e voprosy' differentsiatsii oshibochny'kh i zavedomo lozhny'kh zakluchenij e'kspertov po delam o narkoprestupleniyakh [Some issues of differentiation of mistaken and knowingly false opinions of experts on cases of narcotic crimes]. Drug Control - Narkokontrol', 2014, no. 1, pp. 22 – 25.
3. Tatur Yu.G. Kompetentnostny'j podkhod v opisaniii resul'tatov i proektirovanii standartov vy'sshego professional'nogo obrazovaniya: Materialy' ko vtoromu zasedaniyu metodologicheskogo seminaru [Competence approach in description of results and engineering standards of higher professional education: Materials for the second session of the methodological seminar]. Moscow, Issledovatel'skij tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov Publ., 2004. 7 p.
4. Rossinskaya E.R., ed., Galyashina E.I., Zinin A.M. Teoriya sudebnoj e'kspertizy: uchebnik [Theory of forensic expert evaluation: textbook]. Moscow, Norma Publ., 2011. 384 p.
5. Durakova I.B., ed. Upravlenie personalom: Uchebnik [Personnel management: Textbook]. Moscow, INFRA-M Publ., 2009. 569 p.
6. Fedorov A.V. Opredelenie proizvodny'kh narkoticheskikh sredstv i psikhotropny'kh veshhestv dlya tselej ugovolnogo zakonodatel'stva [Definition of derivative narcotic means and psychotropic substances for the purposes of criminal legislation]. Theory and Practice of Forensic Expert Evaluation. Scientific-Practice Journal - Teoriya i praktika sudebnoj e'kspertizy'. Nauchno-prakticheskij zhurnal, 2013, no. 1(29), pp. 50 – 61.
7. Fedorov A.V. Privedenie rossijskikh perechnej narkoticheskikh sredstv, psikhotropny'kh veshhestv, sil'nodejstvuyushhih i yadovity'kh veshhestv v sootvetstvie s mezhdunarodny'mi antinarkoticheskimi konventsiyami: istoriya voprosa i sovremennoe sostoyanie [Bringing of Russian lists of narcotic means, psychotropic substances, precursors of narcotic means and psychotropic substances, potent and poisonous substances in conformity with international antidrug conventions: history of the issue and the contemporary state]. Drug Control - Narkokontrol', 2013, no. 2, pp. 8 – 18.
8. Fedorov A.V. Yuridicheski znachimy'e priznaki analogov narkoticheskikh sredstv i psikhotropny'kh veshhestv [Legally significant properties of analogues of narcotic means and psychotropic substances]. Theory and Practice of Forensic Expert Evaluation. Scientific-Practice Journal - Teoriya i praktika sudebnoj e'kspertizy'. Nauchno-prakticheskij zhurnal, 2012, no. 4(28), pp. 34 – 49.
9. Khutorskij A.V. Klyuchevy'e kompetentsii kak komponent lichnostno-orientirovanogo obrazovaniya [Key competences as a component of personally-oriented education]. People's Education - Narodnoe obrazovanie, 2003, no. 2, pp. 58-64.
10. Yakimova Z.V., Nikolaeva V.I. Otsenka kompetentsij: professional'naya sreda i vuz [Evaluation of competences: professional environment and the institution of higher education]. Higher Education in Russia - Vy'sshee obrazovanie v Rossii, 2012, no. 12, pp. 13-22.

В следующем номере журнала «Наркоконтроль» будут опубликованы материалы, посвященные Докладу Международного комитета по контролю за оборотом наркотиков за 2013 год.

## Новое в антинаркотическом законодательстве: что ожидать от института побуждения к избавлению от употребления наркотиков?

*Измайлов Вадим Валерьевич,  
начальник отдела Управления ФСКН России по  
Республике Карелия  
(г. Петрозаводск)*

*E-mail: vad-izmailov@mail.ru*

*Izmajlov Vadim Valer'evich,  
head of the Department of Administration  
of the Federal Service for Drug Control of Russia  
in the Republic of Karelia (Petrozavodsk)*

*E-mail: vad-izmailov@mail.ru*

*В статье даются анализ и прогноз применения Федерального закона от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».*

*Ключевые слова:* наркотики, наркомания, побуждение к избавлению от наркопотребления, административное правонарушение, ответственность за немедицинское потребление наркотиков, органы наркоконтроля.

### New issues in the antidrug legislation: what to expect from the institute of inducement to getting rid of drug abuse

*The article makes an analysis and a forecast for application of Federal Law of November 25, 2013 № 313-FZ "On Introduction of Changes into Some Legislative Acts of the Russian Federation".*

*Key words:* drugs, drug addiction, inducement to getting rid of drug abuse, administrative offence, responsibility for drug abuse, agencies of drug control.

Анализ складывающейся в Российской Федерации наркоситуации и динамика ее развития показывают, что существует значительная количественная разница в данных о числе лиц, допускающих немедицинское (незаконное) потребление наркотиков, с одной стороны, и числом лиц, привлекаемых к уголовной и административной ответственности за деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков, с другой стороны<sup>1</sup>.

Согласно имеющимся данным социологических исследований, общее число лиц, эпизодически и регулярно потребляющих наркотики, достигает 8,5 млн человек (6% населения Российской Федерации), а опыт употребления наркотиков имеют порядка 18 млн человек (13% населения).

В связи с этим давно назрела необходимость социального воздействия на тех, у кого степень социального отчуждения еще не достигла критической отметки. В поиске способов такого воздействия многие исследователи изучали вопрос принудительного лечения или применения мер медицинского характера к наркозависимым нарушителям<sup>2</sup>.

На основе проведенных научных исследований в целях совершенствования российской антинаркотической политики принят Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>3</sup>, которым внесены существенные дополнения в Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»<sup>4</sup>. Этот акт дополнен понятиями «лечение больных наркоманией», «реабилитация больных наркоманией», «профилактические мероприятия», а также «побуждение больных наркоманией к лечению от наркомании и реабилитации», а Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) дополнен ст. 72<sup>1</sup> УК РФ «Назначение наказания лицу, признанному больным наркоманией»<sup>5</sup>.

В то же время, на наш взгляд, внесенные дополнения необоснованно ограничивают объект социального контроля до группы лиц, исключительно больных наркоманией.

Как и ст. 82<sup>1</sup> УК РФ, норма, предусмотренная ст. 72<sup>1</sup> УК РФ, распространяет действие только на группу лиц, у которых в установленном законом порядке установлен диагноз «заболевание наркоманией».

По уголовным делам, возбуждаемым следственными подразделениями ФСКН России, подавляющее

<sup>1</sup> Об этом см.: Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 4–27; Федоров А.В. Взаимосвязь незаконного потребления наркотиков и их незаконного оборота // Наркоконтроль. 2013. № 3. С. 5–13.

<sup>2</sup> См., напр.: Буркина О.А., Кузнецов А.И. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: проблемы применения // Наркоконтроль. 2013. № 4. С. 6–7; Калачёв Б.Ф. Лечить нельзя принудить // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 22–31; Федоров А.В. Ответственность за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. 2011. № 2. С. 3–8; Щедрин Н.В. О принудительном лечении лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 19–21.

<sup>3</sup> См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 48. Ст. 6161.

<sup>4</sup> См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.

<sup>5</sup> Указанный федеральный закон опубликован на «Официальном интернет-портале правовой информации» 27 ноября 2013 г. и вступает в силу по истечении 180 дней после дня его официального опубликования.

большинство фигурантов являются потребителями наркотиков, у которых нет клинических проявлений заболевания наркоманией, но которых необходимо побуждать к лечению и реабилитации.

В целях более широкого превентивного воздействия и побуждения к избавлению от наркопотребления представляется необходимым внести дополнения в ст. 82<sup>1</sup> УК РФ, распространяя возможность применения отсрочки исполнения приговора также на лиц, впервые совершивших преступления, предусмотренные частями первыми ст. 115, 116, 117, 119, 158, 159, 161 и 166 УК РФ, которые были совершены в целях получения средств для приобретения наркотиков или лицом, находившимся в состоянии наркотического опьянения, или лицом, злоупотребляющим наркотическими средствами или психотропными веществами, при условии, если это лицо возместит причиненный ущерб или иным образом загладит вред, причиненный в результате совершения им преступления.

Также, по нашему мнению, необходимо внести изменения в ст. 72<sup>1</sup> УК РФ, а именно после слов «лицу, признанному больным наркоманией» дополнить ее словами: «а также лицу, совершившему преступления, предусмотренные частями первыми ст. 115, 116, 117, 119, 158, 159, 161 и 166 УК РФ, которые были совершены в целях приобретения средств на наркотики или лицом, злоупотребляющим наркотическими средствами или психотропными веществами».

Так как в настоящее время следователи ФСКН России по находящимся в их производстве уголовным делам в большинстве случаев назначают наркологическую экспертизу, то реализация ими внесенных Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ дополнений в ст. 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) и ст. 299 УПК РФ, связанных с назначением экспертизы для установления, что привлекаемое к ответственности лицо больно наркоманией, и назначением прохождения лечения от наркомании, не вызовет затруднений.

В то же время следователями ОВД наркологическая экспертиза назначается достаточно редко по всем уголовным делам. Следовательно, необходимо выработать алгоритм, который обеспечит направление на экспертизу лиц, в отношении которых имеется информация об употреблении наркотиков. Представляется, что на первоначальном этапе расследования данный вопрос может быть разрешен 100%-ным тестированием подозреваемых на факт употребления наркотиков.

Необходимо учитывать, что между проведением наркологической экспертизы и вынесением решения судом проходит, как правило, значительный промежуток времени, в течение которого правовым основанием пройти лечение будет совершение фигурантом, у которого установлен диагноз «нарко-

мания», факта употребления наркотиков (совершение правонарушений, предусмотренных ст. 6.9 или ч. 3 ст. 20.20 КоАП РФ).

Располагая данными о результатах наркологической экспертизы уже на стадии расследования, можно принимать меры к лишению лица прав на занятие теми видами профессиональной деятельности, для которой предусмотрены ограничения для больных наркоманией. Например, передавая такие сведения в прокуратуру для инициирования обращения в суд и т.д. До настоящего времени такая практика в Российской Федерации складывается стихийно, не нося безусловного, автоматического характера.

Представляется целесообразным аккумулировать на федеральном уровне сведения о выявленных в ходе проведения назначенных следователями правоохранительных органов экспертиз больных наркоманией для принятия мер в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 18 мая 2011 г. № 394 «Об утверждении перечня основных видов профессиональной деятельности, и деятельности, связанной с источниками повышенной опасности, на занятие которой установлены ограничения для больных наркоманией»<sup>6</sup>, а именно — для ограничения специальных прав лиц, больных наркоманией.

Внесенные Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ дополнения в ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ создают правовые основания для назначения административного наказания в виде ареста на срок до 30 суток за совершение административных правонарушений в области законодательства о наркотических средствах и психотропных веществах и их прекурсорах. Однако санкции соответствующих статей остаются без изменений, за исключением санкции в ст. 6.9.1 КоАП РФ.

Прогрессивным является дополнение ст. 4.1 КоАП РФ ч. 2.1, которая предоставляет правовые основания для возложения судом обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с наркопотреблением без назначения врача. Вместе с тем остается нормативно неопределенным понятие «диагностика».

Кроме того, требует толкования понятие «медицинской и (или) социальной реабилитации» в ч. 2.1 ст. 4.1 КоАП РФ, ибо Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» определяет реабилитацию слишком широко, как «комплекс мероприятий медицинского, психологического и социального характера».

Возложение судом обязанности пройти лечение от наркомании возникает только при условии наличия в материалах дела сведений о соответствующем диагнозе.

<sup>6</sup> Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 21. Ст. 2979; 2012. № 37. Ст. 5002.

В сжатые сроки составления протокола об административном правонарушении по ст. 6.9 и ч. 3 ст. 20.20 КоАП РФ получить необходимые данные достаточно сложно. Так как в ряде регионов наркологические учреждения, ссылаясь на врачебную тайну, выдают соответствующие сведения толь-

ко по запросу следователя в рамках расследования уголовного дела, очевидна перспектива противоречивости и сложности правоприменения новой нормы. А как быть, если нарушителем является житель другого субъекта федерации или иностранный гражданин?

**Литература**

1. Буркина О.А., Кузнецов А.И. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: проблемы применения / О.А. Буркина, А.И. Кузнецов // Наркоконтроль. 2013. № 4. С. 6–7.
2. Калачев Б.Ф. Лечить нельзя принудить / Б.Ф. Калачев // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 22–31.
3. Федоров А.В. Взаимосвязь незаконного потребления наркотиков и их незаконного оборота / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2013. № 3. С. 5–13.
4. Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 4–27.
5. Федоров А.В. Ответственность за немедицинское потребление наркотических средств и психотропных веществ / А.В. Федоров // Наркоконтроль. 2011. № 2. С. 3–8.
6. Щедрин Н.В. О принудительном лечении лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией / Н.В. Щедрин // Наркоконтроль. 2013. № 2. С. 19–21.

**Bibliography:**

1. Burkina O.A., Kuznetsov A.I. Otsrochka otbyvaniya nakazaniya bol'ny'm narkomaniej: problemy' primeneniya [Temporary suspension of service of sentence by a drug addict: problems of application]. Drug Control - Narkokontrol', 2013, no. 4, pp. 6 – 7.
2. Kalachyov B.F. Lechit' nel'zya prinudit' [It is impossible to make anybody cure oneself]. Drug Control - Narkokontrol', 2013, no. 2, pp. 22 – 31.
3. Fedorov A.V. Vzaimosvyaz' nezakonnogo potrebleniya narkotikov i ikh nezakonnogo oborota [Interconnection of drug abuse and illegal consumption thereof]. Drug Control - Narkokontrol', 2013, no. 3, pp. 5 – 13.
4. Fedorov A.V. Narkokriminologiya kak odno iz napravlenij kriminologii [Drug criminology as one of directions of criminology]. Drug Control - Narkokontrol', 2013, no. 1, pp. 4 – 27.
5. Fedorov A.V. Otvetstvennost' za nemeditsinskoe potreblenie narkoticheskikh sredstv i psikhotropny'kh veshhestv [Responsibility for abuse of narcotic means and psychotropic substances]. Drug Control - Narkokontrol', 2011, no. 2, pp. 3 – 8.
6. Shhedrin N.V. O prinuditel'nom lechenii lits, stradayushhikh alkogolizmom i narkomaniej [On compulsory medical treatment of persons suffering from alcoholism and drug abuse]. Drug Control - Narkokontrol', 2013, no. 2, pp. 19 – 21.

## Журнал «Наркоконтроль» в информационно-аналитической системе РИНЦ

Подключение журнала «Наркоконтроль» к реализации национального проекта Российской индекс научного цитирования» (РИНЦ) повлекло за собой изменение требований к оформлению публикуемых материалов, в том числе существенно увеличился объем площадей журнала, отведенных под указание использованной литературы, на которую имеются ссылки в статьях журнала.

С учетом этого обстоятельства руководством ИГ «Юрист» принято решение об увеличении объема печатных листов журнала «Наркоконтроль» с 2015 года.

В результате работы авторов журнала по отслеживанию своих статей в РИНЦ и их цитирования в других научных публикациях с целью отражения этого показателя существенно изменились данные, характеризующие в РИНЦ журнал «Наркоконтроль».

<b>Журнал «Наркоконтроль» в зеркале РИНЦ по состоянию на апрель 2014 г.</b>			
количество выпусков журнала в 2005–2014 годах	Количество статей в выпусках журнала за 2005–2014 годы	Количество процитированных статей из журнала	Количество цитирований статей из журнала
34	344	126	539

Редколлегия журнала «Наркоконтроль» надеется, что все авторы журнала пройдут регистрацию в РИНЦ и будут работать со своими авторскими указателями.

**Федоров А.В.,**  
главный редактор журнала «Наркоконтроль»